

КАЙ МАЙЕР

АЛХИМИКИ

ПОГРЕБЕННЫЕ

Алхимики

Кай Майер
Погребенные

«Росмэн»

2011

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

Майер К.

Погребенные / К. Майер — «Росмэн», 2011 — (Алхимики)

ISBN 978-5-353-08505-8

Мир алхимии, ледящие душу секреты и самая невероятная история любви – все это в романе признанного мастера мистики и готики, знаменитого немецкого писателя Кая Майера. Что ждет Ауру Инститорис, выросшую в мрачном замке на острове? Правда о ее рождении или предательство близких? Блуждание по жутким венским подземельям или разгадка древних тайн алхимии? Вражда, которая длится уже семь столетий, или любовь всей жизни?

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-353-08505-8

© Майер К., 2011

© Росмэн, 2011

Содержание

Книга первая	6
Глава	7
Глава	23
Глава	43
Глава	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кай Майер Погребенные

Kai Meyer
DIE ALCHEMISTIN

Серия «Алхимики»

Copyright © 1998, 2011 by Kai Meyer

© Nele Schütz, Design

© Перевод на русский язык, макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

Посвящается Штефи

*Гвоздь держит подкову,
подкова — коня,
человек — замок,
замок — вотчину.
Средневековая загадка.*

Никому по сей день не удалось разгадать ее...

Книга первая 1897 г.

Глава 1

Вот и замок.

Экипаж пробирался через дюны, покачиваясь, скользил по рыхлому песку. Юноша выглянул в окно: прямо перед ним над Балтийским морем высился замок. Он оказался не таким, каким юноша его себе представлял. Совсем не таким. Ни башен, ни зубцов, как обычно бывает. Стоял замок на небольшом скалистом островке; стены незаметно переходили в светлые отвесные скалы, будто сотни лет подряд росли прямо из них. А кругом простиралось под осенним небом мрачное и спокойное море. Лишь у самого берега пенились волны: казалось, вода сердится на угрюмые и надменные угловатые утесы.

Известняковую скалу, на которой стоял замок Инститорисов, окружало еще несколько крохотных необитаемых островков, каждый едва ли больше дома. Юноша насчитал четыре, но когда экипаж повернул и островки показались под другим углом, он заметил пятый, до тех пор скрытый замком. На нем виднелся старый маяк, выкрашенный в красную и белую полосу. Он походил на бездыханного циклопа, чье горящее око давным-давно погасло. Лишь орланы-белохвосты ютились на перилах маяка: оттуда они зорко следили за морской гладью.

Птицы... Юношу восхищало величественное спокойствие, с каким они парили над этой пустынной местностью: нескончаемой береговой линией, песчаными дюнами, редким ольшаником, притаившимся в низине, изогнутыми ветром соснами и зарослями дрока. Но взгляд его то и дело возвращался к замку. Там его новый дом.

Чем ближе подъезжал экипаж, тем больше юноше удавалось разглядеть. Замок Инститорисов, как и остров, где он стоял, формой походил на подкову. Во внутреннем дворе зеленела кипарисовая роща; деревья были выше самого замка и заслоняли центральную его часть. Зато восточное и западное крыло – в три этажа высотой, такого же серого цвета, как и море, – хорошо просматривались. Окна тянулись длинными рядами, по три друг над другом, и белые рамы еще сильнее подчеркивали, что в большинстве окон не горел свет. На крутых скатах крыши выстроилась целая рота черных каминных труб; над некоторыми, поднимаясь к пелене облаков, вился дымок.

– Кристофер...

Юноша не привык к женскому голосу, а тут его назвали по имени, да еще так нежно. Он смущенно отвернулся от окна и улыбнулся своей новой матери.

Та отложила в сторону книгу, которую не выпускала из рук всю дорогу, но так ни разу и не открыла, и участливо наклонилась к нему.

– Кристофер, – повторила она, словно стараясь привыкнуть к этому имени, – на самом деле замок гораздо уютнее, чем кажется. Тебе там понравится, вот увидишь. – Слова ее звучали так, будто она много раз твердила их про себя в надежде, что однажды они окажутся правдой.

Однако Кристофер и не думал грустить, он был счастлив. По-настоящему счастлив. Конечно, волнение и смутный страх перед неизвестностью немного омрачали радость. Но Кристофер, несомненно, чувствовал себя счастливым. По крайней мере, ему так казалось. Сказать наверняка он не мог, ведь сравнивать было не с чем.

На Шарлотте Инститорис была причудливая шляпа, украшенная гирляндой ракушек. Очень необычная. Волосы Шарлотта подобрала, лишь несколько черных как смоль локонов выбивалось из прически. Из-за высоких скул ее лицо – узкое и бесцветное – казалось еще

и слишком вытянутым. Шарлотта была далеко не красавица и старалась чаще улыбаться, чтобы придать своим чертам мягкости.

– Я уверен, мне понравится. – Слова Кристофера прозвучали немного натянуто.

Брат Маркус, настоятель сиротского приюта, учил Кристофера: «Как бы там ни было, говори, что тебе все нравится. Ничего другого мы тебе не найдем».

Чтобы Шарлотта не подумала, будто он говорит так только из вежливости, Кристофер поспешил добавить, хотя и некстати:

– Я умею грести на веслах.

Шарлотта удивленно взглянула на него и ласково улыbnулась.

– Милый, нам не придется грести самим. Для этого есть слуги. Они уже ждут нас на берегу.

«Милый». Так она назвала его уже несколько раз. И Кристофер чувствовал себя неловко. Ему семнадцать лет – уже почти взрослый мужчина, а Шарлотта обращается с ним, как с ребенком. Своим ребенком. Ведь отныне он – ее сын.

Кристоферу вдруг захотелось чихнуть, и он засопел носом. Шарлотта заботливо протянула ему чистый платок. Как раз вовремя.

«Ну вот, теперь она подумает, что взяла какого-то заморыша», – забеспокоился Кристофер. Он ведь не болен, даже не простужен. Все дело в запахе – запахе книги. У Кристофера на него аллергия.

Наконец лошади остановились.

Кристофер подождал, пока Шарлотта выберется из экипажа, и последовал за ней. Ноги утопали в мягком песке. В лицо веяло морской прохладой. Через несколько мгновений он ощутил вкус соли на губах.

Длинный пирс выдавался далеко в море. У самого края была пришвартована яхта со спущенными парусами. Навстречу прибывшим, громко топая по деревянному настилу, вышли трое матросов и поклонились Шарлотте. Поприветствовали они и Кристофера, почтительно склонив головы. Такого с ним еще не бывало, юноша едва не рассмеялся. Что ж, придется привыкать.

Поклонившись на прощание, кучер развернул лошадей, подстегнул их, и экипаж покатил прочь через дюны.

Вскоре Кристофер уже сидел рядом с Шарлоттой в каюте. Яхта отчалила. По палубе ходили трое матросов, и каждый их шаг громко и гулко отдавался здесь, внизу. Кристофер попытался выглянуть наружу, но оба иллюминатора были покрыты коркой соли, и ему ничего не удалось разглядеть. Шарлотта ласково посмотрела на Кристофера, будто хотела погладить по щеке.

«Наверное, ей кажется, что я радуюсь, – подумал он. – Пожалуй, она права».

Яхта вышла в море и взяла курс на замок.

– Здесь всего пятьсот метров, – сказала Шарлотта. – А кажется, что далеко, правда?

Кристофер кивнул. Он об этом как-то не думал. Вот если вплавь, то пятьсот метров – это, действительно, много.

Кристофер молчал, но Шарлотта не обижалась. Книгу, запах которой так досаждал ему, она убрала в сумку. И мало-помалу он снова стал дышать свободно.

Шарлотта с любопытством поглядывала на Кристофера, а он тем временем задумался.

Задумался об экипаже, о деревне, о первой в своей жизни поездке на поезде, к тому же в одиночку. О большом детском приюте в Любеке. Ему вспомнились постоянные крики, духота общей спальни, шепот под пропотевшими простынями, ссоры, вражда.

Скучать он будет по брату Маркусу – и только. Именно благодаря ему Кристофер всегда верил, что у него есть будущее. Теперь это будущее лежит перед ним, вон там, прямо по носу яхты. Одинокий утес в море.

«Замок гораздо уютнее, чем кажется».

Впервые Кристофером овладела настоящая тоска. Неужели он скучает по приюту?

«Я уверен, мне понравится».

Там, впереди, – его дом. Настоящий дом.

«Здесь всего пятьсот метров».

Будущее так близко. Совсем близко.

Брат Маркус сам отвез Кристофера на вокзал. Хотя обычно такое поручали кому-нибудь из служителей. А те бросят ребенка возле дома или места службы новых родителей, как мешок с углем, получают чаевые и уходят с угрюмой миной на лице.

С Кристофером все обстояло иначе. Он был самый старший в приюте и, по мнению брата Маркуса, самый умный среди детей. Впрочем, брат Маркус вряд ли смог бы объяснить почему. Дело тут не в широком кругозоре воспитанника и не в способностях к математике. Нет: удивительная болезнь Кристофера – вот причина.

С раннего детства Кристофер не выносил запаха книжного клея. При виде стопки книг задыхался и выбегал на воздух. Корчился в судорогах у книжных полок, терял сознание в библиотеках... Но, несмотря на это, отчаянно желал учиться – в отличие от других воспитанников приюта. Такое рвение нравилось брату Маркусу, и он давал Кристоферу частные уроки, приносил книги и приглядывал за ним, пока тот прилежно занимался, преодолевая приступы удушья.

Остальных детей довольно рано пристраивали учиться какому-нибудь ремеслу, и вскоре они начинали работать наравне со взрослыми. Но брат Маркус задался целью сделать Кристофера по-настоящему образованным человеком. Об университете не приходилось и мечтать: платить было нечем, зато занятия в келье брата Маркуса радовали обоих. Ни один столяр или мясник не хотел иметь дела с ребенком, не державшим в руках ничего, кроме книги, поэтому Кристофер продолжал жить в приюте. Шли годы, и служители стали презрительно называть его «лежалым товаром».

Но вот однажды в приют приехала Шарлотта Инститорис с намерением усыновить мальчика. Она изъявила желание, насторожившее брата Маркуса: воспитанник не должен быть слишком мал. Однако Шарлотта опровергла подозрения в безнравственности, возникшие было у приютского наставника. По материнской линии она происходила из древнего рода, у нее были две родные дочери, а два года назад она взяла на воспитание мальчика. Брат Маркус послал запрос в нужную канцелярию, и там подтвердили слова Шарлотты. Он даже отыскал приют, в котором вырос тот мальчик. От директрисы брат Маркус узнал, что Даниэль часто присылает письма, где только положительно, даже восторженно отзывается о своем новом доме.

Брат Маркус с Кристофером долго говорили об этом и решили, что такую возможность упускать нельзя. Наконец Кристофер обретет все, чего, по мнению брата Маркуса, давно заслуживает: семью, родных, которые будут поддерживать юношу, помогут духовно развиваться. Брат Маркус был счастлив, Кристофер тоже. Но по-своему.

Конечно, Кристоферу не хотелось расставаться с учителем, который был ему вместо отца. Юноша попытался представить, каково ему будет жить в настоящем замке. Не разочарует ли он Инститорисов – он, сирота, брошенный матерью еще в колыбели? Поладит ли с новыми родственниками, с братом и сестрами? Не окажется ли, что ему, при всей его образованности, далеко до них?

Вот какие сомнения мучили Кристофера, когда брат Маркус через несколько месяцев после первого визита Шарлотты вез его на вокзал. Напомнив на прощание о правилах хорошего тона (в десятый или одиннадцатый раз за последние дни), брат Маркус поцеловал его в обе щеки, крепко обнял и пожелал счастливого пути.

Несколько часов дороги Кристоферу предстояло провести в одиночестве. В письме Шарлотта обещала, что будет с нетерпением ждать его на станции.

Яхта наконец очутилась в маленькой бухте, беззвучно проскользнув между двумя постаменами высотой в человеческий рост, на которых восседали каменные львы. Они словно встречались взглядами высоко над водой.

Бухта располагалась как раз между «рогами» острова-подковы. Волны бились о скалы высотой около двух метров. В центре бухты выдавался в море узкий пирс. На берегу, там, где он начинался, стеной стояли темно-зеленые кипарисы – конусообразные чудища, загордившие полнеба. Никогда в жизни Кристофер не видел таких высоких деревьев – метров по двадцать, а то и двадцать пять.

Кристофер попросил у Шарлотты разрешения понаблюдать, как пришвартовывают яхту, и она с немного наигранной радостью позволила ему подняться на палубу. Сама Шарлотта вышла из каюты следом за ним и встала рядом, опершись о поручни. Одной рукой она придерживала шляпу, которую срывал ветер, и не обращала никакого внимания на то, что мешает матросам.

Яхта мягко причалила. Один из матросов помог Шарлотте и Кристоферу сойти на пирс. Другие стали спускать паруса и привязывать канат. Наконец выгрузили багаж Кристофера – потертый кожаный чемодан, подарок брата Маркуса. Вместе со скудными пожитками, которые едва ли пригодятся в новом доме, в чемодане лежал предмет его особой гордости: связки исписанных тетрадей, куда юноша годами записывал все, чему научился.

Море тихо плескалось о скалы. Там, куда доставали волны, светлый известняк покрылся зелеными водорослями. Нарастающий шум заставил юношу взглянуть на верхушки кипарисов. Покачиваясь на ветру, они шумели, будто перешептывались. Таинственно и даже немного страшно.

С берега им навстречу бежала белокурая девочка в голубом платье с оборками. Лет десяти, не больше, как показалось Кристоферу.

– Мама! Мамочка! – кричала девочка. – Смотри, я ракушек насобирала!

Шарлотта улыбнулась и присела на корточки, оказавшись лицом к лицу с девочкой. С деланным удивлением она посмотрела в ее раскрытые ладони. В каждой было по две белые ракушки размером с те золотые карманные часы, которые брат Маркус носил только по воскресеньям.

– Какие красивые! – восхитилась Шарлотта.

– Это тебе! – радостно воскликнула девочка.

– Правда? – Осторожно взяв ракушки, Шарлотта бережно высыпала их в сумку и обняла девочку. – Большое спасибо, милая.

Кристофер стоял поодаль и наблюдал за ними. Глядя на мать и дочь, он испытывал смешанные чувства: с одной стороны – умиротворение, а с другой – страх оказаться чужим в этой семье.

Шарлотта выпрямилась и, приобняв Кристофера, представила его дочери.

– Это Кристофер, – торжественно произнесла она, – твой новый брат. – Затем обратилась к юноше: – А этого ангелочка зовут Сильветта. Наша младшая.

Девочка протянула Кристоферу ручку, как того требовали приличия, но взглянула на него недоверчиво, когда он ответил на рукопожатие.

– Зачем такие церемонии? Обнимитесь! – подбодрила их Шарлотта.

Помедлив, они все же послушались. Девочка показалась Кристоферу такой хрупкой, что он поспешил отпустить ее.

– Другие тоже здесь? – спросил он, чтобы нарушить неловкое молчание.

Шарлотта взяла обоих за руки и повела по пирсу к берегу. Роста она была высокого, но Кристофер – на полголовы выше. Вместе они смотрелись так нелепо, что если бы кто-нибудь сейчас наблюдал за ними из зарослей кипарисов, он бы наверняка хмыкнул.

– С Аурой и Даниэлем ты скоро познакомишься, они в замке, – сказала Шарлотта.

– А... отец?..

Шарлотта заметила, как он запнулся перед этим непривычным для него словом.

Не успела она ответить, как Сильветта выпалила:

– Отец нас ненавидит! Всех нас.

Шарлотта застыла на месте. Ее узкое лицо под шляпкой с ракушками стало белым как мел. Она ошарашенно уставилась на дочь.

– Что ты такое говоришь! – воскликнула она, и глаза ее гневно сверкнули.

– Но ведь это правда! – заупрямилась девочка.

На мгновение Кристофер испугался, что Шарлотта отвесит дочери оплеуху. Его воображение уже успело нарисовать картину царившей в семействе Инститоторисов идиллии, и теперь по ней потянулась чуть заметная царапинка.

Но его приемная мать совладала с собой, отпустила их руки и пошла вперед. Кристофер украдкой взглянул на Сильветту, и та улыбнулась. Ее улыбка была так по-детски невинна, что юноша сразу понял, отчего Шарлотта назвала ее ангелочком.

Кристофер ожидал увидеть аллею из кипарисов, ведущую к замку, и очень удивился, что деревья росли в беспорядке. Видимо, хозяева решили не портить естественный пейзаж. Впрочем, места между кипарисами было предостаточно, так что они прошли к замку совершенно свободно.

Роща тянулась неширокой полосой – не больше двадцати метров. Здесь царил таинственный полумрак. Тусклый осенний свет падал сквозь ветви деревьев, рисуя на земле причудливые тени. Кое-где вздымались горбами известняковые валуны. Терпкий аромат рощи заглушал запах моря. Казалось, будто посреди холодного, пустого и неприступного острова вдруг открылось потайное окно в другой мир и оттуда повеяло теплом и покоем. Все это напомнило Кристоферу благоговейную тишину кладбища.

Вскоре кипарисы остались позади, и перед ними возникли высокие двери замка. К ним вели четыре широкие ступени.

Но впечатлили Кристофера не высокие двери – его поразили окна. В рамы были вставлены витражи. Причудливые картины сменяли одна другую, будто в калейдоскопе. Ничего подобного Кристофер никогда не видел. Все стеклышки разноцветные, ни одного прозрачного!

Шарлотта торопила детей скорее войти в дом, в тепло, но Кристофер все же успел рассмотреть два витража: справа и слева от двери.

На первом был коршун, сидящий на вершине скалы. Он держал в клюве свиток с какой-то надписью на латыни, но Кристофер не успел разобрать, что написано. Над скалой, уставившись единственным глазом на зрителя, кружил ворон.

На втором витраже был изображен жезл; его обвивали две змеи, и кончики их языков соприкасались. Жезл венчал цветок магнолии, плавно переходящий в звезду. Выше с одной стороны сияла луна, с другой – солнце.

Кристофер неохотно оторвал взгляд от витражей. А ведь были и другие, и все хотелось рассмотреть! Однако пришлось поспешить внутрь вслед за Шарлоттой и Сильветтой.

Первое, что бросалось в глаза в холле, – это камин: огромный, во всю стену. Его устье походило на вход в пещеру; внутри едва заметно горел огонь.

Паркетный пол устилали мягкие ковры с длинным ворсом – в основном темно-красные и коричневые. С левой стороны была винтовая лестница на второй этаж. На обшитых деревянными панелями стенах висели картины, светильники, всевозможные гербы, гобелены и

другие украшения. У Кристофера голова закружилась от внезапно нахлынувших впечатлений, захотелось за что-нибудь ухватиться, чтобы не упасть.

Шарлотта тоже озиралась, но по другой причине.

– Куда подевались слуги? – раздраженно спросила она.

– Они в столовой, – ответила Сильветта и украдкой подмигнула Кристоферу. Ее неожиданное дружелюбие его удивило. Он подмигнул в ответ и улыбнулся, надеясь, что улыбка вышла искренней. – Все собрались там, чтобы познакомиться с тобой, – радостно добавила девочка, будто это ее удостоили подобной чести. – Ты же сама им велела, мама!

Шарлотта нерешительно кивнула, но недовольство ее не исчезло.

– А Аура? Где она? И куда, черт побери, подевался Даниэль?!

Волнение Шарлотты удивило Кристофера. Она ходила взад-вперед и казалась не на шутку встревоженной.

С верхнего этажа, куда вела лестница, раздался голос:

– Я здесь, мама!

Шарлотта вздрогнула.

– Аура! – воскликнула она. – Ну хоть ты вспомнила о хороших манерах!

Девушка, показавшаяся на верхней площадке, стала медленно спускаться по ступеням; на лице ее мелькнула язвительная усмешка.

Аура Инститорис была ровесницей Кристофера. От матери она унаследовала черные, цвета воронова крыла, волосы. Глаза с длинными ресницами были такими же голубыми, как у Сильветты. Густые темные брови делали ее лицо чуть сердитым, зато уголки рта словно застыли в едва уловимой улыбке – очаровательное сочетание. Кожа – белая, гладкая, только на переносице – несколько веснушек. Девушка была в ярко-красном платье с темными оборками, которое изящно подчеркивало ее стройную фигуру.

Кристофер вырос в приюте для мальчиков и не привык к женской красоте. Он буквально застыл от изумления.

Но продлилось это недолго.

– Это и есть новенький? – брезгливо спросила Аура.

Кристофер будто укололся о шип прекрасной розы.

– Это Кристофер. Твой брат, – поправила ее Шарлотта.

Остановившись на нижней ступеньке, Аура смерила Кристофера равнодушным взглядом. И хотя он подозревал, что равнодушие может быть притворным, ему все же стало обидно. Он почувствовал себя непрощеным гостем в этом доме.

Шарлотта попыталась исправить положение.

– Что с тобой, милая, тебе нехорошо?

В этом ласковом вопросе явно слышалось: «Мы с тобой еще поговорим!»

Кристофер попытался поймать взгляд Ауры. Глаза девушки сверкали гневом. Что же могло ее так разозлить?..

– Тебе стоило надеть серьги, милая. – Шарлотта все еще старалась спасти положение притворной мягкостью.

– А разве я их не надела? – возразила Аура, хотя все видели, что серег на ней нет. Прикоснувшись к мочкам ушей, девушка изобразила такое удивление, что Кристофер не сомневался: теперь-то Шарлотта не сдержится. – Надо же... – Аура невинно улыбнулась. – И как я могла забыть?

Мать и дочь уставились друг на друга с холодным презрением. Наконец Шарлотта с трудом проговорила:

– А где Даниэль?

– Я думала, ты знаешь. Сама давно его ищу.

Шарлотта испытующе глядела на дочь, силясь понять, притворяется она или нет. Но в этот раз слова Ауры прозвучали искренне. Вдруг Шарлотта вздрогнула, словно ей представилось что-то страшное.

– Боже! – вырвалось у нее. – Куда же он опять делся? Надеюсь, он ничего не натворил.

Она покачнулась, приложив руку ко лбу, будто вот-вот лишится чувств. Глядя на Шарлотту, Кристофер удивлялся произошедшей в ней перемене: ту Шарлотту, с которой он познакомился час-другой назад, словно подменили. Что же, в конце концов, происходит в этом доме?

– Перестань! Он найдется. Сидит, наверное, в библиотеке.

С этими словами девушка повернулась и открыла дверь под лестницей. Кристофер только теперь заметил эту дверь. За ней виднелся тускло освещенный коридор.

– Найдешь его – дай мне знать! – крикнула Шарлотта ей вслед. Голос ее прозвучал как-то особенно резко и пронзительно. О плохом поведении дочери она тотчас забыла.

Не сказав ни слова, девушка переступила порог и скрылась в таинственном подземелье замка. Кристофер с тревогой подумал, что в этом доме перед ним, похоже, откроется еще не одна дверь, о существовании которой он и не подозревает.

Вдруг Сильветта дернула его за рукав. Кристофер наклонился к ней, и девочка прошептала:

– Папа живет на чердаке. И никогда оттуда не спускается. Никогда.

Но прежде чем юноша успел хоть что-нибудь сказать, Шарлотта с улыбкой взяла его за руку:

– Пойдем, милый! Пора представить тебя слугам.

Свет струился сквозь высокие витражные окна. Главный коридор западного крыла замка, по которому шла Аура, уходил далеко вперед, словно тоннель сквозь радугу. Тусклое осеннее солнце играло в витражах, рисуя на противоположной стене причудливые цветные пятна, похожие на картины из «волшебного фонаря».

Но сегодня Ауре не было дела до всей этой красоты. Совсем другие заботы занимали ее в последнее время. А теперь к ним прибавилась новая: Кристофер. Еще один чужак в замке. Еще один повод злиться на мать.

Впрочем, девушка сердилась не только из-за Кристофера. Точнее, вообще не из-за него. Да, появление новичка выбило Ауру из колеи, но были причины и посерьезнее. И если кто ее сейчас хоть немного успокоит, так это Даниэль. Подумав о нем, Аура не могла не разделить недовольство матери. Куда же он, черт побери, запропастился?!

Аура обыскала весь замок. Оставалась последняя из его любимых комнат, где она еще не смотрела. Ну конечно! И как она сразу не догадалась заглянуть туда? «Вот дурочка!» – сетовала она на себя.

Хотя нет. Есть еще одно место. Если Даниэль там, ей до него не добраться. На старый маяк она за ним не пойдет. Только не на маяк. А если Даниэль все-таки там? Если снова пробрался в башню через подводный тоннель и попытался сделать то же, что и два месяца назад?

Задыхаясь от злости и страха, Аура без стука распахнула двустворчатую дверь библиотеки.

– Привет, сестренка!

Даниэль сидел на полу по-турецки, выстроив вокруг себя целую крепость из книг. Уложенные друг на друга фолианты напоминали кирпичную кладку.

Аура терпеть не могла, когда Даниэль называл ее «сестренкой». Хуже того, он прекрасно знал об этом, но постоянно ее поддразнивал. Вот и теперь. Нашел время!

Даниэлю восемнадцать – он на год старше Ауры. Волосы соломенного цвета. Высокий и очень худой. Хитрый взгляд. Он родился с этой хитрецей в глазах, как другие появляются на свет с родинками. Часто казалось, что Даниэль посмеивается над всеми вокруг и над самим собой тоже. Оттого-то он сразу понравился Ауре. Своим появлением Даниэль как будто смахнул пыль со всего замка и его обитателей.

Но это раньше. А теперь белые повязки на запястьях Даниэля красноречиво говорили о недавних событиях. Сквозь белизну бинтов вновь и вновь проступали едва заметные следы крови – раны никак не заживали.

Даниэль явно надеялся, что сестра скоро оставит его в покое: улыбался он неискренне – Аюра сразу это поняла. Но она и не думала уходить. Ей осталось провести в замке всего четыре дня. Как он не понимает?!

Аюра подошла к брату и протянула ему руки.

– Вставай же. Нужно поговорить.

Даниэль не двинулся с места.

– Мы только этим и занимаемся. Говорим, говорим... А что толку?

Аюра почувствовала, что попала в глупое положение. Но отступить не собиралась.

– Прошу тебя... – тихо начала она.

Даниэль взглянул на ее пальцы:

– Опять ногти грызла?

Аюра отдернула руки и нахмурилась.

– Вот только зубы мне не заговаривай!

Даниэль со вздохом поднялся.

Аюра заметила, что, вставая, брат оперся на руки, и это не причинило ему боли. Хоть какой-то прогресс. Однако прошло уже больше двух месяцев – почему же он поправляется так медленно? Почему раны никак не заживут?

В полной растерянности девушка стояла перед Даниэлем. Тот обнял ее. Аюра заметила, как он напрягся, словно внутренний голос шептал ему: «не делай этого». Казалось, Даниэль хотел прижать Аюру к сердцу и ненавидел себя за это. И в итоге страдали оба.

– Прощание перед путешествием в Средневековье? – попыталась пошутить Аюра.

Даниэль грустно посмотрел ей в глаза.

– Брось, ну какое Средневековье? Все будет хорошо, вот увидишь.

– Спасибо, утешил.

– Это же интернат, а не тюрьма.

Аюра положила голову на плечо Даниэлю, не обращая внимания на то, что его это смущает.

– Интернат для благородных девиц за полторы тысячи километров от дома. Чем не тюрьма?

Даниэль часто спорил с Аурой, пытался ее переубедить, но сейчас не стал. Возразить тут нечего. И она знает, что на самом-то деле брат с ней согласен.

Даниэль привлек сестру к себе, нежно погладил по спине, между лопаток. Аюра чувствовала, что у нее из глаз вот-вот брызнут слезы, и отчаянно пыталась сдержаться. Если Даниэль заметит, что она плачет, тут же ее отпустит. Слезы Ауры всегда его обескураживали.

Они молча стояли, обнявшись. Аюра знала: плакать бессмысленно, слезами горю не поможешь...

С самого начала их отношения с братом складывались непросто. На все попытки Ауры разрушить стену между ними Даниэль сначала отшучивался, а потом, когда шутки иссякли, начал стремительно отдаляться. В конце концов, они всего лишь сводные брат и сестра, не связанные настоящими родственными узами. Впрочем, все это пустяки.

А тут еще этот несчастный случай. Даниэль так и не оправился с тех пор.

Молчание становилось тягостным. Аура наконец отстранилась от брата и, сглотнув слезы, проговорила:

- Только что приехал этот Кристофер.
- И как он? – Дыхание Даниэля участилось.
- Мать носится с ним, как наседка!
- Она всегда так.
- К тебе она относилась иначе.

Аура покачала головой.

- Тебе так кажется.

– Нет, – снова возразила девушка, – она пытается исправить... – Аура замолчала, поймав себя на том, что чуть не сказала лишнее.

- Исправить ошибки, которые совершила со мной, – закончил Даниэль. – Возможно.

Аура схватила его за руку.

- Я не то хотела сказать.

- Ну ладно, ладно.

Даниэль высвободился и подошел к единственному окну между высоких книжных полок. Он был бы рад открыть его, взглянуть вниз, на море, но задвижку заклинило много лет назад. В замке открывалось лишь несколько окон.

«А что если это яркие цвета делают нас такими мрачными, – пришло вдруг Ауре в голову. – Нам не хватает простого белого света».

На витраже в библиотеке был изображен пузатый сосуд, внутри которого сидел павлин с распущенным хвостом. Горлышко сосуда венчала великолепная корона. А выше, в небе, мчалась сквозь гряды облаков колесница, запряженная двумя золотыми птицами; ею правила белокурая женщина.

Аура все чаще ощущала себя таким вот павлином, неизвестно почему заточенным в стеклянную темницу.

Даниэль не отходил от окна, будто видел что-то особенное сквозь кусочки цветного стекла. Точно так же он глядел в глаза Ауры и словно читал ее мысли. Девушке даже жутко становилось: так часто он угадывал, что она скажет или даже подумает в следующую секунду.

- Тебе лучше уйти, – промолвил он, не глядя на девушку. – Прощаться еще не время.

– Осталось четыре дня... – Аура на миг закрыла глаза в слабой надежде, что, открыв их, увидит, что Даниэль улыбается. Напрасно. – Не забывай об этом, – добавила девушка и направилась к двери.

Аура уже вышла в коридор, когда до нее донесся едва различимый шепот Даниэля. Конечно, он мог сказать все что угодно, но девушка надеялась, что он прошептал: «Не забуду». Пусть будет так.

Аура корила себя за наивность. Снова оказавшись в потоке переливающихся красок, она наконец дала волю слезам. Коридор словно стал еще длиннее, а свет еще ярче. Аура закрыла глаза и, не видя ничего, побежала, пока не уперлась в другую дверь. Налево шел следующий коридор. Аура беззвучно ступала по ворсистым коврам. Слышно было только ее дыхание. Сердце бешено колотилось.

Она метнулась вверх по винтовой лестнице. Второй этаж, третий, еще один коридор. По пути распахивала одну дверь за другой. Не останавливаясь, нащупала на груди цепочку с ключом.

Еще одна лестница. Узкая, деревянная – не винтовая, как остальные, а прямая. Здесь темно, и каждый шаг отдается скрипом. Но солнце и лампы Ауре ни к чему; она хорошо знает дорогу. Ей довольно узкой полосы неяркого света, пробивающегося из-под двери наверху.

Вот наконец и эта дверь. Аура сердито вставила ключ в замок, будто он и был причиной всех ее страданий. Повернула. Хотела войти.

Но дверь не поддавалась. Наверное, отец заперся изнутри на засов. Но ведь он уже много лет не запирался!

– Папа! – крикнула Аура.

Пыль и темнота будто поглотили ее звонкий голос, и он прозвучал хрипло и глухо.

– Папа! Впусти меня! Прошу!

Никто не ответил. Аура беспомощно водила руками по двери, по выпуклостям вырезанного на ней рельефа, толкала изо всех сил, снова и снова умоляла впустить, но вход на чердак оставался закрытым. Отец не хотел ее видеть, не хотел говорить с ней.

В отчаянии девушка опустила на верхнюю ступеньку и прислонилась к двери. За ней послышался крик пеликана.

В вечерних сумерках, в свете газовых фонарей, Вена казалась сказочным городом. По мокрой от дождя мостовой стучали окованные железом колеса экипажей. Последние уличные торговцы предлагали свой товар, остальные уже убрали лотки и нагружали повозки, готовясь разъехаться по домам на городских окраинах. Время от времени одинокие трамваи дребезжали по старым улицам; даже издали их звон неприятно резал слух. Дети с криками сновали среди отбросов, оставленных торговцами, пытались отыскать какую-нибудь ценность: целое яблоко или заморский фрукт. Дождь на некоторое время прибил к земле дым из печных труб, но теперь в воздухе снова пахло гарью.

Императорская рота промаршировала по площади Фрейунг, одной из самых больших в центре города. Когда-то на этом месте, у стен Шотландского монастыря, казнили предателей: топили в бочках с водой. Теперь здесь собирались на народные гулянья и ярмарки.

Джиллиан, гермафродит, вышел из-за облепленной афишами тумбы и в который раз внимательно огляделся по сторонам. На площади все еще было полно людей, хотя большинство уже разошлось по боковым улицам. Тусклый свет газовых фонарей понемногу вытеснял красное сияние заката. Солнце давно уже скрылось за крышами домов, лишь на западе догорала полоска неба. С востока надвигалась ночь, и Джиллиану становилось все страшнее.

Дело предстояло непростое. В письме Лисандр ясно дал понять: никаких отговорок он не потерпит. Попробуй-ка не явиться в условленное время! Сегодня Джиллиану снова придется увидеться с Лисандром, хочет он того или нет. Ничего не поделаешь.

Джиллиану оставалось одно: попытаться застать Лисандра врасплох. Пусть даже просто ради того, чтобы доказать: он не потерял навыков за эти годы.

Если бы он хоть немного сомневался в своих способностях, то зашел бы в Шотландский монастырь помолиться перед статуей Мадонны – в Вене ее почитали как чудотворную. Но Джиллиан не видел пользы в молитвах. Никто не защитит его от Лисандра. Да и сам он едва ли справится. Собственная беспомощность удручала Джиллиана больше всего. Времена, когда он от кого-то зависел и повиновался приказам, в далеком прошлом. К тому же о Лисандре он не слышал уже много лет.

Выйдя из тени афишной тумбы, Джиллиан поспешил через площадь Фрейунг и едва не попал под фиакр, запряженный парой лошадей. Не обращая внимания на проклятия кучера, он двинулся дальше. После дождя камни мостовой были скользкие, и Джиллиан чуть не упал.

Вот он у входа в Шотландский монастырь. Монах-бенедиктинец впустил его, когда Джиллиан сунул ему под нос поддельную бумагу. Она удостоверяла, что Джиллиан служит придворным поставщиком чернил – что бы это ни значило... Документ он купил у

одного портового рабочего из Леопольдштадта¹, промышленявшего подобными подделками. Тот посоветовал Джиллиану всегда иметь при себе несколько запечатанных чернильниц – на всякий случай. Эта бумага не раз выручала Джиллиана. Людская доверчивость не знает границ.

Привратник пропустил Джиллиана: тот заверил, что знает дорогу к настоятелю. Конечно, попытайся он проникнуть в зал собраний или в здание гимназии, его бы остановили. Но у Джиллиана была другая цель.

Он не в первый раз проделывал этот путь и без труда нашел вход в подвал, а главное – не вызвал подозрений. Крутая деревянная лестница уходила метров на десять вниз.

Со времен своего основания в XII веке монастырь пережил многое: его уничтожали пожары, опустошали ополченцы. Разрушенные части восстанавливали каждый раз на новый лад, так что теперь за романскими стенами скрывались барочные залы и комнаты в стиле бидермейер – монастырь буквально впитал в себя всю историю города.

Но Джиллиан даже не взглянул на архитектурные чудеса монастырских подземелий. Давно изучив старые планы, он знал их наизусть и беспрепятственно прошел через подвал, в котором бенедиктинцы в свое время устроили винный погреб. Джиллиан не раз удивлялся, почему ни один трактирщик Вены не пользуется здешними запасами, ведь сюда так легко попасть.

Джиллиан знал, что за стеной, вдоль которой он сейчас пробирался, находится большой склеп при монастырской церкви, битком набитый гробами с мумифицированными покойниками. Какое совпадение, что путь в логово Лисандра проходит именно здесь.

Воздух в подземелье был холодным и затхлым. Стало еще холоднее, когда Джиллиан отодвинул круглую металлическую крышку и ступил на железную лестницу, ведущую вниз. Перед тем как нырнуть в темноту, он зажег фонарь и задвинул крышку люка на место.

По прямой до цели было меньше шестисот метров – рукой подать. Но здесь, в лабиринте венских подземелий, путь этот мог занять целый день. Тем не менее Джиллиан не сомневался, что встретится с Лисандром точно в назначенное время. За десять лет жизни в Вене он так часто спускался в подземелье и прошел столько тоннелей и каналов, что они его больше не пугали. Главное – не наткнуться на бандитов. В подземелье их великое множество, и они страсть как не любят, когда кто-нибудь – намеренно или случайно – обнаружит их подземный притон. Ножи у этих ребят всегда наготове.

Меньшую опасность для Джиллиана представляли бездомные бродяги, обитавшие в лабиринтах канализации. А с людьми, которых называли ловцами жира, он даже водил дружбу. В отличие от нищих и бродяг, спускавшихся в канализацию только по ночам, ловцы жира проводили в подземелье всю жизнь. Прозвище свое они получили за то, что расставляли в тоннелях решетки, натягивали сети и вылавливали жир, мясо и кости, которые приносило течением. Свою добычу ловцы жира за гроши продавали на мыловарни.

Несколько лет назад одна из жертв Джиллиана попала в сеть ловцов жира. Меньше чем за час новость о трупе облетела подземелье, еще больше шуму наделали татуировки с каббалистическими надписями по всему телу. Но Джиллиану удалось забрать труп до того, как ловцы жира успели передать его полиции. Это стоило ему кругленькой суммы – почти половины денег, полученных за убийство. Он избавился от тела более надежным способом и сделал вывод: все тайны венского подземелья рано или поздно открываются.

Джиллиан радовался, что так хорошо ориентируется в подземных лабиринтах города. Теперь он сможет перехитрить Лисандра. Кому-то это показалось бы ребячеством или тщеславием, но Джиллиан испытывал невероятное удовольствие.

¹ Леопольдштадт – район Вены. (Здесь и далее – примеч. ред.)

Он держал горящий фонарь высоко над головой, вытянув руку чуть вперед. Смотреть приходилось не только под ноги. Здесь, в подземельях, ловушки могли быть где угодно, в том числе и над головой, особенно в тоннелях, ведущих к убежищам преступников. У Джиллиана и так забот хватало, ему не нужны лишние неприятности.

По тоннелям гуляли ледяные сквозняки, принося самые разнообразные звуки. Всюду шуршали крысы, издали доносились голоса и даже песня какого-то пьяницы. Джиллиан никак не мог понять, почему Лисандр обосновался именно здесь. Он ведь человек влиятельный – мог бы поселиться хоть во дворце.

Лисандр, разумеется, не из тех, кто станет жить в какой-нибудь крысиной норе. Если уж он выбрал подземелья и подвалы, то особенные. Вот почему Лисандр облюбовал именно Хофбург². Несомненно, ему стоило целого состояния перенести сюда всю свою империю. Одной только дворцовой охране пришлось отвалить астрономическую сумму. Но уж на нехватку денег Лисандр никогда не жаловался.

Хофбург – а это восемнадцать дворцов, больше пятидесяти лестниц и почти три тысячи залов и комнат – вот подходящая резиденция для Лисандра. А поскольку сама императорская резиденция ему принадлежать не могла, Лисандру пришлось довольствоваться подвалами. Это могло бы показаться смешным тому, кто незнаком с Лисандром. Но Джиллиан знал его даже слишком хорошо и при мысли о нем холодел от страха.

Пригнувшись, Джиллиан шагал по сводчатой галерее, в центре которой журчал ручеек. Свет его лампы скользил по стенам. Где-то в конце галереи будет шахта, ведущая прямо в старый погреб Хофбурга. Ходили слухи, что погреб больше не используется, но Джиллиан не знал наверняка.

Дверца люка нашлась сразу, но с первой попытки не поддавалась. Джиллиан был ловким и быстрым, но ему не доставало силы из-за его двойственной природы. Если бы понадобилось, например, выломать дверь, он бы не справился.

Немного пошарив, Джиллиан обнаружил потайной механизм: крохотный ржавый рычажок. Постучал по нему фонарем, рычажок повернулся, и железная дверца легко отворилась. Скрипнули петли. Джиллиан тихо выругался: здесь, внизу, эхо непредсказуемо – неизвестно, где отзовется звук.

Пробравшись через люк, он потянул дверцу, и засов снова защелкнулся. Путь назад был отрезан. Оставалось надеяться, что убежать не придется.

Внизу узкий тоннель заканчивался еще одним люком. Сдвинуть крышку хотя бы наполовину стоило Джиллиану немалых усилий. И когда он поднялся по лестнице и отряхнулся от ржавой пыли, закрывать люк не стал.

Джиллиан осмотрелся. Его надежды оправдались: погреб был заброшен. Очевидно, им никто не пользовался многие годы, хотя помещение было впечатляющее. Круглое, около пяти шагов в диаметре и метров десять в высоту. Вверху – крошечная темнота. В закругленных стенах пустые ниши – прежде в них хранили продукты. С наступлением зимы погреб заполняли льдом из Дуная, который на такой глубине не таял круглый год. Продукты умели хранить месяцами и шестьсот лет назад, когда закладывали подвалы Хофбурга. Теперь ниши зияли черными провалами в обветшалых стенах. Кое-где слышался крысиный писк.

В центре погреба-ледника висела веревочная лестница – должно быть, она крепилась к стене под люком. Джиллиан прицепил фонарь к поясу и подергал деревянные перекладины, проверяя их на прочность. Дощечки потрескались от старости, и Джиллиан сомневался, выдержит ли лестница его вес. К тому же веревка, похоже, насквозь прогнила.

Он стал осторожно подниматься, хватаясь за облепленные паутиной перекладины. Оказалось, лезть наверх не так уж сложно. Лестница слегка раскачивалась, разок даже пере-

² Хофбург – императорский дворец в Вене.

крутилась, но все же выдержала. С каждым шагом он поднимался все выше. Пять метров, шесть... Джиллиан старался смотреть только вверх, на люк, едва различимый в тусклом свете переносного фонаря. Тень Джиллиана наверху принимала причудливые очертания, скрывая свод подвала подобно грозовой туче.

Через крышку люка пробивался слабый свет. Лезть оставалось не больше двух метров. Как вдруг люк открылся. В тусклом желтоватом свете показались двое. Заглянули в отверстие.

Джиллиан оцепенел. Ему вдруг показалось, что если он сорвется, то пролетит не шесть-семь метров, отделявших его от пола, а будет падать и падать, как в бездонную пропасть.

Над краем люка кто-то держал свечу. Воск капал Джиллиану прямо на щеку. Пламя свечи освещало два совершенно одинаковых серых лица – щеки впалые, волосы белые как снег. Определить возраст невозможно. Впрочем, они ничуть не изменились с тех пор, как Джиллиан впервые их увидел. Близнецы Штык и Клык – слуги Лисандра. Никто не знал, где Лисандр их откопал и откуда взялись прозвища. Может, близнецов когда-то и звали по-другому, но они сами этого не помнили.

Тот, который держал свечу, – Джиллиан догадался, что это Штык, – заговорил первым, скривив в ухмылке тонкие губы.

– Да это, никак, гость к хозяину!

– Как же он сюда попал? – Клык тоже ухмыльнулся. – Удобную дорожку выбрал, нечего сказать.

Джиллиану было ясно: долго он на руках не провисит. Надо бы поскорее спуститься, но он боялся лезть вниз, догадываясь, что учинит тогда эта парочка. Об их намерениях догадаться было нетрудно.

Штык поднес свечу к прогнившей веревке. Еще чуть-чуть, и она вспыхнет как фитиль.

– Как думаешь, ему понравится? – спросил он брата.

Клык ехидно усмехнулся:

– Кто знает, кто знает...

– Прекратите валять дурака! – крикнул Джиллиан. – Лисандр хотел меня видеть. Так помогите мне подняться!

– Правда, хотел, – подтвердил Штык.

– А он говорил, что хочет видеть его живым? – решил уточнить Клык.

– Не припомню такого.

– Плохо у тебя с памятью.

– И не говори.

Джиллиан вышел из себя. Поднявшись на две ступеньки, он закричал:

– Играйте в свои игры с кем-нибудь другим! Я пришел к Лисандру!

– Но не той дорогой, которой должен был, – заметил Штык, как всегда, обращаясь к брату.

Эти двое говорили только друг с другом или со своим хозяином – такая уж у них была привычка. А еще братья славились своим садизмом.

Штык поднес свечу к веревке. Малейший сквозняк – и ветхую пеньку охватит пламя. Капли воска по-прежнему падали Джиллиану на лицо.

– Некоторые мальчишки очень плохо себя ведут, – снова заговорил Штык.

– Так ведь он не мальчик, – возразил Клык.

– Но и не девочка!

– Ни то ни се. Полумальчик-полудевочка.

– Именно. Полу...

– Может, попросим его раздеться?

– А что, посмотрим хоть, как это выглядит, – согласился Штык.

– А грудь у него есть?

– Если и есть, то плоская.

– А борода?

– Что-то не вижу.

– А есть у него, интересно... – и оба глупо захихикали, что никак не вязалось с их мрачными лицами.

Мысли Джиллиана путались. В безвыходных положениях он оказывался не раз, но никогда не имел дела с такими дураками.

Он хотел что-нибудь сказать, пока эти ненормальные не подожгли лестницу, но его кто-то опередил:

– Штык! Клык! – произнес тихий голос. – Джиллиан вам не игрушка.

Возмущенно фыркнув, Штык убрал свечу. Братья протянули Джиллиану руки. Прикасаюсь к ним он брезговал, но это был самый быстрый и безопасный способ выбраться.

Близнецы были одеты в ливреи с воротником-стойкой и черные жилеты и напоминали каких-то шустрых насекомых с длинными тонкими конечностями.

Люк выходил в каморку со стенами из бурого кирпича. Помещение освещали лишь свеча в руках у Штыка и фонарь Джиллиана. Старая деревянная дверь криво повисла на петлях.

Пройдя следом за близнецами через множество коридоров и пустых погребов, Джиллиан очутился в большом зале. Стены были обшиты деревянными панелями, на полу множество ковров. Зал освещали свечи в подсвечниках, повсюду висели картины. Некоторые полотна Джиллиан узнавал, поскольку иногда бывал в картинных галереях. Лисандр никогда бы не опустился до подделок. Значит, все картины – подлинники.

Своим вмешательством Лисандр спас Джиллиану жизнь, а после, видимо, ушел вперед. Джиллиан не увидел его ни возле люка, ни в подземных коридорах.

Лисандр стоял на небольшом возвышении в дальнем конце зала. Отвернувшись от Джиллиана и близнецов, он занимался полотном на мольберте. Рядом, на другом мольберте, Джиллиан разглядел картину итальянца Джузеппе Арчимбольдо, служившего когда-то при Венском дворе. На картине под названием «Зима» было изображено фантастическое существо – получеловек, полудерево; из его головы, причудливо переплетаясь, тянулись ветки.

Лисандр был одет в ослепительно-белый костюм. Спина чуть сгорблена. На шее – меховая накидка. Когда все трое вошли, Лисандр даже не обернулся – Джиллиан видел только его седой затылок – и делал вид, что полностью погружен в работу. Он писал копию с картины Арчимбольдо, но, как всегда, в другом ракурсе. Была у Лисандра такая странная причуда: повторять сюжет той или иной знаменитой картины, как бы становясь с обратной стороны ее и, таким образом, обнаруживая невидимые прежде детали.

Джиллиан заметил: оригиналы, украденные из венских галерей, висели на правой стене зала, а соответствующие копии с обратного ракурса, созданные Лисандром, – на левой.

Джиллиана и Лисандра разделяло метров десять – двенадцать. Джиллиан шагнул было вперед, но близнецы преградили ему дорогу.

– Мне что, и подойти нельзя? – возмутился Джиллиан, высвобождаясь из рук близнецов.

– Нельзя.

Голос Лисандра прозвучал, как всегда, мягко. Удивила Джиллиана старческая хрипотца – в прошлый раз ничего подобного не было. Не мог же Лисандр так сильно постареть за то время, что они не виделись!

«Простудился, наверное», – мелькнуло в голове у Джиллиана. Долго ли подхватить простуду в этом подземелье, пусть и пышно обставленном. Нипочем не догадаешься, что все эти залы находятся под землей. Разве что окон не хватает.

Лисандр негромко откашлялся, но хрипотца – простудная или старческая – осталась.

– Ты явился откуда не ждали. Что ты пытаешься мне доказать? – спросил он.

– Просто хотел убедиться, что нюх у твоих псов не ослаб. Как видишь, я не зря старался.

Услышав слово «псы», Штык и Клык засопели – к немалому удовольствию Джиллиана.

Лисандр по-прежнему стоял к нему спиной.

– У меня для тебя задание.

«Еще бы, – подумал Джиллиан, – я же здесь не просто так».

– Скажи, пожалуйста, – вежливо начал Лисандр, – знакома ли тебе картина... третья справа в нижнем ряду?

Удивленный вопросом, Джиллиан повернулся к стене с оригиналами, отыскивая нужное полотно. Он увидел скалистый остров, окруженный спокойными водами изумрудного моря. Среди скал росли деревья: похоже, кипарисы. К острову подплывала лодка, в ней стоял человек в белом облачении. Скрестив руки на груди, он смотрел на остров.

Этой картины Джиллиан прежде не видел.

– Нет, не знакома, – ответил он.

– Я заказал ее почти семнадцать лет назад во Флоренции одному швейцарцу по фамилии Бёклин, – объяснил Лисандр, кладя на холст еще несколько мазков. – Заказ я передал через близкую знакомую, графиню фон Ориола. Кстати, эта молодая дама замечательно разбиралась в искусстве. Вернее, тогда она была молодой. К тому же, позволю себе уточнить, только что овдовела.

Джиллиан не понимал, к чему он клонит.

– Графиня изложила Бёклину нужный мне сюжет, и художник написал эту замечательную картину. Несомненный шедевр. Ему передали и другую мою просьбу – назвать работу «Остров мертвых». С тех пор Бёклин написал еще несколько вариантов этой картины, но ни один не сравнится с моим, с первым.

– Лисандр, знаю, ты знаток искусства, но...

Не торопись, друг мой. Я полагаю, терпение – необходимое для твоего ремесла качество. Картина, которую ты видишь, для меня очень символична. «Остров мертвых» – название о многом говорит, не так ли? – Лисандр тихо засмеялся, положив на холст еще один широкий мазок. – Остров на картине, друг мой, отдаленно напоминает один реально существующий остров на севере Пруссии. – Лисандр вдруг усомнился. – Название «Пруссия» еще в ходу? Впрочем, неважно. Ты отправишься туда и позаботишься о том, чтобы название картины, которую Бёклин нарисовал по моему заказу, оправдалось.

– Кого придется убить на этот раз?

– Ты его не знаешь. Нестор Непомук Инститорис. Давний враг. Мягко говоря.

Джиллиан не припоминал этого имени. «Давний враг».

Он пожал плечами.

– Я больше этим не промышляю, Лисандр. Уже много лет.

– Что ж, – усмехнулся Лисандр, даже не отложив кисти, – значит, вернешься к старому промыслу. Ради меня.

Никто не осмеливался спорить с Лисандром. Но Джиллиан все же возразил:

– Половина подземного мира Вены и бог знает кто еще платит тебе дань. И среди всего этого сброда не нашлось того, кто выполнил бы твое задание?

– Многие взяли бы, – согласился Лисандр. – Сотни людей, наверное. Но я хотел бы поручить это тебе. Я неохотно нарушаю традиции. И хорошо плачу.

– Ты же знаешь: твоих денег мне не нужно.

– Я и не говорю о деньгах. Вознаграждением будет твое спокойствие, Джиллиан. Больше я тебя не потревожу.

Лицо Джиллиана исказилось.

– Это я уже однажды слышал.

– Разве я не оставил тебя в покое на шесть лет? – Лисандр тяжело вздохнул. – Даю слово: это задание будет последним.

Джиллиан знал, что выбора у него нет.

– Расскажи поподробнее, – устало сказал он. – И если можно, повернись, пожалуйста, ко мне лицом.

– Ни в том ни в другом нет необходимости. – Кисть Лисандра оставляла коричневые и зеленые мазки, штрих за штрихом, веточка за веточкой. – Мои помощники передадут тебе письмо по дороге на вокзал. Там написано все, что тебе нужно знать.

– По дороге... на вокзал? – У Джиллиана вдруг пересохло во рту.

– Ехать надо сейчас же, – сказал Лисандр. – Твой поезд в восемь десять. Штык и Клык расскажут, когда и где делать пересадку. – Помолчав, он добавил: – Путь неблизкий, возьми с собой что-нибудь почитать...

– Но я не могу так просто исчезнуть! – сопротивлялся Джиллиан. – У меня есть дела в Вене, договоренности... Я не хочу, чтобы другие...

Кисть замерла.

– Другие? О ком это ты? – Нет сомнений, Лисандр поручил бы устранить любую помеху.

Джиллиан постарался унять свой гнев.

– Ладно, – нехотя согласился он. – Хорошо, я еду.

– Я в этом не сомневался.

Джиллиан ощутил непреодолимое желание воткнуть Лисандру его чертову кисть прямо в глаз.

«Однажды я обязательно это сделаю», – поклялся он про себя.

Штык и Клык снова взяли его под конвой и повели к выходу.

Уже в дверях Джиллиан вновь услышал голос Лисандра:

– Прежде чем убьешь Нестора, передай ему кое-что.

– Послание мертвецу? Зачем?

– Он поймет. Запомни слово в слово.

Гермафродит пожал плечами и кивнул.

– Говори...

На мгновение в зале повисло молчание. Затем Лисандр тихо произнес:

– Передай Нестору, что у сеятеля новое колесо.

Глава 2

По тускло освещенным витражам гостиной Кристофер догадался, что солнце почти зашло. В замке было трудно определить время без часов: через витражные окна ничего не разглядишь, а открыть хоть одно из них у Кристофера так и не получилось. Даже в отведенной ему комнате.

Семья собралась к ужину. Все, кроме отца, спустились в гостиную на первом этаже восточного крыла. Шарлотта заняла место в конце длинного стола. По одну сторону сели Аура и Даниэль, напротив них – Кристофер и Сильветта. Место во главе стола пустовало. Нестор Непомук Инститорис предпочитал есть в одиночестве у себя на чердаке. За полтора дня, проведенных в замке, Кристофер ни разу его не встретил. Сильветта сказала, что и сама в последний раз видела отца недели три или четыре назад, случайно столкнувшись с ним в одном из коридоров в западном крыле. На дочь он даже не взглянул.

Высоко над столом висела огромная люстра, вся в гирляндах из стеклянных бусин. Они легонько позвякивали всякий раз, как открывалась дверь. Звук напоминал Кристоферу шепот в спальне приюта.

У западной стены гостиной, между витражными окнами, стояли роскошные часы, метра два с половиной в высоту. Циферблат блестел золотом, на стрелках мерцали рубины. Корпус из темного полированного дерева был украшен изысканной резьбой. Две витые полуколонны были вырезаны по бокам высокой дверцы, за которой вертелись шестерни и пружины. Изнутри доносилось размеренное тиканье.

Сильветта, ткнув Кристофера локтем в бок, кивнула на часы и начала было о них рассказывать, но Шарлотта резко оборвала ее, заметив, что подобные истории за столом неуместны.

За все время ужина Аура и Даниэль не проронили ни слова, молча ковыряя гусиное жаркое с овощами. Утром, во время занятий со старым учителем из деревни, Кристофера представили сводному брату, однако тот не выказал к нему никакого интереса. Юноши пожали друг другу руки, обменялись дежурными фразами, но Даниэль сразу дал понять: друзьями они не станут. Кристофера это огорчило: он-то надеялся подружиться с другим приемным сыном Инститорисов. Даниэль явно был о себе высокого мнения – по крайней мере, так показалось Кристоферу.

Впрочем, холодность сводного брата – это еще полбеды. Куда больше Кристофер ждал приветливого взгляда или теплого слова от Ауры. Сегодня ее волосы были собраны в хвост, достававший ей до лопаток. Кристофер то и дело украдкой посматривал на нее за ужином, но, увы, безответно. Аура на него даже не взглянула. Кристофер заметил, что она сегодня особенно печальна.

Он уже слышал, что через три дня девушка уезжает в интернат куда-то в Швейцарию. А вдруг она думает, что это из-за него? Что новичок претендует на ее место в доме?

Одна лишь маленькая Сильветта отнеслась к Кристоферу с большим участием. Весь день она болтала без умолку. От недоверия, с которым девочка поначалу встретила юношу, не осталось и следа. Она много рассказывала о сестре, кое-что – о Даниэле, иногда упоминала об отце, хотя знала о нем очень мало. Уже много лет Нестор почти не спускался с чердака и жил там отшельником. Еду ему носили слуги, ночевал он там же. Кристофер попытался туда заглянуть, но его ослепили солнечные лучи, преломлявшиеся в стеклянной крыше над центральной частью замка. Похоже, Нестор устроил там что-то вроде оранжереи.

После десерта – винного мусса, который Кристофер из вежливости съел, хотя вкус ему не понравился, – семья собралась в гостиную. Аура попыталась уйти под благовидным пред-

логом, но Шарлотта одернула ее: дескать, хватит вести себя как ребенок, пора бы вспомнить о приличиях. Даниэль, напротив, молча присоединился к остальным. Он уставился на пламя в камине и время от времени потирал запястья. Кристофер впервые заметил у него под манжетами тугие повязки.

Шарлотта прикладывала множество усилий, чтобы вовлечь в разговор всех четверых, как вдруг в дверях появился слуга с ошеломившим всех известием:

– Мадам, прибыл барон фон Везе.

Шарлотта требовала, чтобы ее называли «мадам» – Кристофер заметил это, когда та представляла его слугам. Подобным вещам его приемная мать придавала большое значение.

Лицо ее просияло.

– Фридрих? Боже мой! Он уже здесь?

Слуга отступил, и в комнату стремительно вошел высокий мужчина. Шарлотта вскочила и, позабыв о приличиях, с ликованием бросилась гостю на шею. Тот сердечно ее обнял, а слуга тем временем удалился.

Кристофер заметил, что с появлением незнакомца лицо Ауры помрачнело еще больше. Она и не подумала приветствовать барона. Даниэль поднялся и пожал ему руку, а Сильветта даже обняла. Кристофер тоже встал и нерешительно подошел к незнакомцу.

– Это Кристофер, – представила юношу Шарлотта, не сводя глаз с гостя. – А это близкий друг нашей семьи. Лучший друг, я бы сказала. Барон Фридрих фон Везе.

Кристофер протянул барону руку. Тот ответил крепким рукопожатием.

– Значит, ты и есть новый член семьи, – дружелюбно сказал он. – Шарлотта написала мне длинное письмо о тебе. Тогда она еще не знала, приедешь ты сюда или нет. Я очень рад, что все получилось!

Взглянув на барона, Кристофер тотчас обратил внимание на его загар, необычный для конца октября. Волосы у Фридриха были светлые, лицо открытое, благородное. Легкая небритость не портила его элегантного облика, не выглядела неопрятной, скорее щегольской. Кристофер дал бы барону лет сорок, как и Шарлотте.

Барон приехал с кожаным саквояжем и теперь поставил его в кресло.

Аура так и не сочла нужным подойти и поздороваться с гостем. Заметив это, барон сам двинулся к ней и сказал, лукаво улыбнувшись:

– Большая честь для меня видеть столь прекрасную юную особу. Ты хорошеешь с каждым годом.

Аура вспыхнула и нехотя подала барону руку. Было видно, что она едва сдерживается, когда тот галантно коснулся ее руки губами. Но по-прежнему не сказала ни слова.

Фридрих вдруг рассмеялся, может быть, чуть резковато. Взяв с кресла саквояж, он извлек оттуда огромную белоснежную раковину с серебристыми прожилками, словно сделанную из мрамора. Никогда прежде Кристофер не видал такой красоты. Барон вручил ее хозяйке замка. Шарлотта восхищенно приняла подарок. Рассыпаясь в благодарностях, она дала каждому из детей приложить раковину к уху. Кристофер зачарованно прислушивался к шуму прибоя.

– Она с мыса Кейп-Кросс, – объяснил барон. – В первый раз мы высадились там в начале января, а когда вновь оказались там в августе – вы не поверите, – не обнаружили причала! Ни следа не осталось. Его занесло песком.

Фридрих сел рядом с Шарлоттой на кушетку, обтянутую красным бархатом, он – на одном конце, она – на другом. Кристофер с изумлением наблюдал, как расцвела его приемная мать рядом с бароном. Раковину Шарлотта держала на коленях, словно новорожденного ребенка.

– Фридрих провел год в Южной Африке, в колониях, – объяснила Шарлотта детям, хотя все, кроме Кристофера, давно знали об этом.

– Десять месяцев, дорогая, – кротко поправил ее Фридрих.

– А кажется, будто целую вечность!

Барон улыбнулся.

– Должен признаться, я и не заметил, как пролетело время. Так там было чудесно. В самом деле чудесно!

Удивительно, что не Шарлотта, а Сильветта попросила:

– Расскажите нам обо всем, дядя Фридрих.

Барон встретился глазами с Аурой. Та глядела с неприязнью.

– Не уверен, что всем будет интересно... Я просто приехал вас навестить. Возможно, в другой раз...

– Нет, – прервал его Даниэль, заговорив впервые за весь вечер, – пожалуйста, барон фон Везе, расскажите нам, как вы жили в Африке. В замке так мало событий, мы все с удовольствием послушаем ваш рассказ.

Шарлотта поддержала Даниэля:

– Да, Фридрих, мы все с нетерпением ждем!

У Кристофера сложилось впечатление, что отказ гостя не кокетство. Видимо, он действительно не хотел докучать семье, особенно Ауре, которая его явно недолюбливала. Барон вообще держался довольно уверенно. Неудивительно, что Шарлотта от него без ума. Да и его взгляд выражал не просто дружескую симпатию.

Но прежде чем приступить к рассказу о жизни в Африке, Фридрих поинтересовался:

– Как поживает Нестор? Полагаю, он наверху, в своей магической лаборатории? – Барон произнес это подчеркнуто шутливым тоном, и все же по лицу Шарлотты пробежала тень.

– Он уже слышал, что ты приехал раньше, чем мы тебя ждали, – ответила Шарлотта с горечью в голосе. – От него ничего не ускользает. Он спустится, если захочет тебя видеть.

– Конечно, – вздохнул Фридрих. Он смутился, но выглядело это не вполне искренне.

Служанка подала Сильветте горячий шоколад, а остальным – грог, от которого поднимался пар. Барон взял чашку, вдохнул пар и сказал:

– Ах, карибский ром! Шарлотта, твои слуги еще помнят мои вкусы!

Служанка поклонилась барону и вышла. Фридрих откинулся на спинку кушетки. Сильветта и Даниэль засыпали его вопросами, а Шарлотта задумчиво улыбалась. Барон набивал трубку. Общий интерес к приключениям гостя передался и Кристоферу. Кстати, он с удивлением заметил, что Даниэль все больше оживлялся. Они с Аурой во многом были близки, но ее открытой неприязни к барону Даниэль явно не разделял. Более того, казалось, он восхищается Фридрихом! Аура же лишь настороженно наблюдала за всеми.

Как выяснилось в следующие несколько часов, барон фон Везе участвовал в экспедиции по Большой Намибии – так называлась широкая полоса пустыни на Юго-Западном побережье Африки. Эта область в руках немцев уже лет пятнадцать: с тех пор, как один торговец из Бремена купил там большой участок земли. Фридрих прибрал там к рукам множество дел. В основном торговал медью и считал, что без его присутствия никак не обойтись. У него было имение километрах в шестидесяти к югу от замка Инститорисов. Когда-то оно было небольшим, но благодаря африканским доходам барона превратилось в роскошное поместье. Барон постоянно подчеркивал, что поездки в колонии носят исключительно деловой характер, но всем, кто слушал его рассказы, становилось ясно, что его просто одолевает тяга к приключениям.

Дядя Фридрих, как ласково звала его Сильветта, вдохновенно рассказывал про горячий «лицевой ветер», обжигающий ветер пустыни, который племена кочевников называли так потому, что он дует через равнины с востока – «лица земли». Барон описывал и встречи с племенем готтентотов, которых так в шутку прозвали голландские исследователи Африки за

сбивчивую речь³. Барон говорил и говорил, и Кристофер поймал себя на мысли, что ему становится все интереснее. У этого человека, несомненно, было чему поучиться. А еще юноша завидовал авантюризму барона и не мог этого скрыть. Вот уж кому нипочем любые опасности и дальние расстояния.

Стрелки показывали около полуночи, когда дверь в гостиную отворилась. На пороге появился человек. Огонь в камине бросал таинственные, мерцающие отблески на его лицо.

Его появление резко вернуло Кристофера из далекой Намибии к реальности. Он понял: пришло время впервые предстать перед приемным отцом. И теперь Кристофер сомневался, что встреча будет приятной.

Нестор Непомук Инститорис выглядел старше, чем ожидал Кристофер: ему лет шестьдесят, если не больше. Волосы старика отливали сединой, он горбился, хотя дряхлым его назвать было бы трудно. Морщины, избороздившие лицо, в желтом свете пламени казались еще глубже. В ясных и живых глазах Нестора угадывался острый ум.

Стоя на пороге, Нестор обвел взглядом собравшихся и уставился на загорелого гостя. На Кристофера он не обратил внимания, и юношу это, конечно, задело.

– Привез? – резко спросил Нестор, даже не поздоровавшись.

Фридрих бросился к хозяину замка, на ходу протягивая руку. Нестор неохотно ответил на рукопожатие, будто любое вежливое слово или жест лишь пустая трата времени.

– Нестор! – обрадовался Фридрих. – Сколько лет, сколько зим!

Старик пропустил это мимо ушей.

– Ты привез то, что я просил?

По лицу барона пробежала тень недоумения и даже некоторой досады.

– А что ты просил? Не припоминаю.

После того как прозвучал ответ Нестора, в комнате воцарилось молчание.

– Кровь дракона, растоптанного слоном. – Старик недоверчиво наклонил голову. – Ведь там, где ты болтался, водятся слоны?

Фридрих окончательно смутился. Он растерянно взглянул на Шарлотту.

– Да... В Африке водятся слоны, но...

– Что «но»? – мрачно перебил его Нестор. – Только не говори, что ты забыл.

– Забыл? Да. То есть нет, – спохватился Фридрих, – я думал, ты пошутил.

Нестор гневно заскрежетал зубами. Прошло несколько секунд, прежде чем он прошипел:

– Пошутил? Помилуй, Фридрих, когда я в последний раз шутил?

– Ну... думаю, как раз десять месяцев назад. – Барон, как мог, пытался выйти из положения.

Кристофер опрометчиво улыбнулся, но тут же опомнился под испепеляющим взглядом Нестора. Глаза его так и сверкали огнем.

– Я понимаю, – с расстановкой произнес старик, понизив голос. – Я отлично понимаю... – И вдруг закричал: – Черт возьми, она мне нужна! Проклятье! Я попросил тебя лишь об одном! Единственная просьба! Ничтожная плата за привилегии, которыми ты пользуешься в этом доме!

Все заметили, что Шарлотту передернуло от этих слов. Аура презрительно фыркнула. Фридрих глубоко вздохнул и выпрямился.

– Я немедленно покину замок, если ты того желаешь, Нестор.

– Как хочешь, – прошептал старик, глядя Фридриху прямо в глаза.

Нестор побледнел. Он стремительно вышел из комнаты, хлопнув дверью. Звук его шагов стих в коридоре.

³ От нидерландского *hottentot* – «заика».

О чудесах Намибии тем вечером больше никто не говорил...

Возможно, именно рассказы об экспедициях по неизведанным краям и заразительное бесстрашие барона подсказали Кристоферу план действий.

Собравшиеся в гостиной разошлись спать после странного выступления Нестора, но Кристофер не мог сомкнуть глаз. Часы тянулись за часами, а он все думал. Планы в его голове рождались один за другим, но все они никуда не годились. Нужно идти кратчайшим путем. Прямо сейчас, иначе он навсегда потеряет сон. Его снедало любопытство и жажда открытий. И так было всегда – Кристофер просто не умел жить по-другому.

В приюте над его любопытством часто потешались. В голове Кристофера до сих пор звучали крики и смех бегущих за ним по коридору мучителей. Те совали ему в лицо пыльные книги и с наслаждением наблюдали за приступами кашля.

Только брат Маркус понимал Кристофера. Но и его порой пугали любопытство и рвение юноши. Что заставляло Кристофера, задыхаясь и кашляя, изучать старые рукописи и книги, в то время как здоровые дети не испытывали ни малейшего интереса к печатному слову? Брат Маркус не знал ответа на этот вопрос. Да и сам Кристофер не знал.

Взошла луна и осветила оконный витраж: три высокие колонны, которые возвышались над огромной шахматной доской. В просветах между колоннами было небо, причем в первом проеме светило солнце, во втором – луна, в последнем мерцали звезды. К средней колонне была приставлена лестница, верхний ее конец терялся высоко в дымке облаков. По ступенькам взбирался человек. А на шахматной доске он оставил три предмета: Библию, квадрант и астролябию.

Откинув одеяло, Кристофер встал. Лунный свет падал сквозь витраж, рисуя причудливые узоры на обстановке комнаты. А комната у Кристофера была большая, по сравнению с приютскими каморками – просто огромная. В приюте просторными были только спальни, в которых жили десятки детей, да еще столовая. А эта комната принадлежала одному Кристоферу. Войдя сюда впервые, он почувствовал, что наконец сможет свободно дышать в помещении: Шарлотта убрала книги с полки рядом с массивным дубовым шкафом и украсила ее цветами.

Быстро натянув одежду, Кристофер босиком прокрался к двери. Он прислушался, не ходит ли кто поблизости, осторожно повернул ручку и беззвучно выскользнул в коридор. Его комната находилась на втором этаже, в восточном крыле, в конце длинного коридора, рядом со спальнями Сильветты и Даниэля. Спальня Ауры располагалась этажом выше.

Чтобы попасть в центральную часть замка, Кристоферу придется пройти мимо дверей всех спален. В коридоре было темно и мрачно, лишь в самом конце горел одинокий светильник. Все остальное тонуло во мраке. Кристофер едва различал пол под ногами, но зажечь другие лампы не решился.

Осторожно прошел мимо дверей Сильветты и Даниэля. За ними – тишина. Опрометью добежал до светильника и свернул налево, в центральную часть замка.

Ему удалось остаться незамеченным. Большинство слуг жило в деревне; по вечерам они садились на лодку и переправлялись на материк. В замке оставалось человек шесть – они спали в комнатах на первом этаже. Ни ночного сторожа, ни собак на острове не было.

Незаметно прокравшись по коридорам, Кристофер наконец оказался на одной из двух парадных лестниц. Он старался спускаться тихо, но все равно невольно шлепал ногами по гладким мраморным ступеням. К своему огорчению, юноша заметил, что на втором этаже лестница заканчивается – на чердак по ней не попадешь. Наверное, туда ведет какой-то другой ход.

Глаза постепенно привыкли к тусклому свету редких ламп. Коридоры по-прежнему казались вдвое длиннее, чем днем, а причудливые тени пугали. Но Кристофер не отступал.

Он не знал, сколько времени бродит по замку. Любопытство потихоньку сменялось досадой и разочарованием, и чем дальше он уходил, тем чаще подумывал: не вернуться ли.

Вдруг он застыл на месте.

По коридору разнесся пронзительный крик.

Еще один. Кричали за дверью.

Кристофер похолодел от ужаса. Что делать? Звать на помощь? Тот, кто так кричит, наверное, попал в большую беду. Вот только крики какие-то совсем уж нечеловеческие...

Кристофер подкрался к двери. Крики прекратились. Взявшись за ручку, он открыл дверь. От прикосновения к холодному металлу по руке побежали мурашки.

Темнота скрывала деревянные ступени узкой лестницы, ведущей наверх. Очевидно, в конце лестницы – еще одна дверь. Кристофер разглядел лишь узкую полоску тусклого света над последней ступенькой.

Чуть помедлив, юноша сделал шаг. Еще один. Осторожно, стараясь не шуметь, он поднимался все выше и выше. Несколько раз лестница под ним заскрипела – Кристофер замирал от испуга. Чем занимается Нестор на чердаке? Кто так жутко кричит? И главное – как поступит старик, обнаружив незваного гостя?

«Он отправит меня обратно, – подумал вдруг Кристофер, – обратно в приют».

Все тело ныло от напряжения. Добравшись до второй двери, Кристофер долго не решался повернуть ручку. Вместо этого он ощупывал деревянную поверхность. На ней как будто было что-то вырезано. Когда глаза привыкли к темноте, Кристофер разглядел изображение пеликана.

И снова крик! На этот раз еще громче. Прямо за дверью.

Кристофер большими скачками бросился вниз по лестнице. Поскользнулся, ударился коленом о нижнюю дверь. Корчась от боли и прихрамывая, выскочил в коридор.

«Прочь! – вертелось у него в голове. – Скорее!»

Кристофер не знал, сколько прошло времени, прежде чем он снова отыскал коридор с комнатами брата и сестры. Колено все еще болело: он сильно ушибся. К спальне Даниэля Кристофер подошел, все еще прихрамывая. Дверь была открыта.

Даниэль в белой пижаме стоял в проеме. Он был бледен, волосы растрепались во сне. Смотрел он строго и укоризненно. Кристоферу стало интересно, давно ли его поджидают.

– Мать не любит, когда шатаются по ночам, – раздраженно сказал Даниэль.

– Не понимаю, какое твое... – Звук шагов за спиной заставил Кристофера умолкнуть.

Он оглянулся, но лишь краем глаза заметил фигуру, которая мелькнула в свете лампы в конце коридора и скрылась за поворотом.

Даниэль побледнел еще больше, когда Кристофер снова повернулся к нему.

– Это Аура? – спросил Кристофер.

Лицо сводного брата исказилось.

– Иди спать и забудь об этом. – Он хотел было закрыть дверь, но Кристофер придержал ее ногой.

– Что между вами происходит, а?

Дверь снова распахнулась. Даниэль угрожающе двинулся на Кристофера, и тот убрал ногу.

– Я сказал, забудь! Тебя это не касается.

Кристофер упрямо мотнул головой:

– Мне все равно, чем вы двое занимаетесь. Только я-то вам что сделал?

Кристофер понимал, что это был самый неподходящий момент заводить подобные разговоры, но накопившееся негодование охватило его подобно приступу аллергии. Он просто не сдержался.

– Мы с Аурой поссорились, вот и все. – Даниэль становился все мрачнее. – Понятно?

– А я тут при чем?

– Ни при чем.

– Неужели? – Кристофер холодно улыбнулся. – Странно, мне показалось – еще как при чем!

– Да уж, – равнодушно отозвался Даниэль. – Странно.

Трудно сказать, кто начал первый. Юноши вдруг сцепились. Кристофер ухватил Даниэля за шею, а тот с размаху ударил его кулаком в живот. Даниэль вырывался и изо всех сил толкнул Кристофера. Тот с грохотом ударился больным коленом о дверной косяк и, задыхаясь от боли, рухнул на пол.

Даниэль стоял над Кристофером, обескураженный своей внезапной вспышкой гнева. На его забинтованных запястьях проступили темно-красные пятна. Кристоферу на мгновение показалось, что Даниэль даже хотел протянуть ему руку. Но не стал.

– Извини, – пробормотал он и вернулся в комнату, закрыв за собой дверь.

Кристофер вскочил, хотел было броситься за Даниэлем, но передумал. Он умел проигрывать достойно. Этому его научили в приюте.

Но что же, собственно, случилось? Как они дошли до драки?

Кристофер, конечно, злился на Даниэля, но и от себя ничего подобного не ожидал. Какая кошка между ними проскочила, что они вот так набросились друг на друга?

Закрыв за собой дверь, Кристофер упал на кровать. Остаток ночи он не спал и прислушивался к звукам в замке. Крики с чердака больше не повторялись или же их просто не было слышно за толстыми стенами.

До Кристофера доносился только шум прибоя. Он напоминал звук внутри раковины, в котором переплетались реальность и игра воображения.

Ауре приснилась оса. Кружит у самой груди – того и гляди ужалит. То приблизится, то отлетит подальше, как будто играет со своей жертвой. Но вот оса вонзила жало в нежную светло-коричневую кожу соска. Аура почувствовала острую боль, как от пули. Пронзив и заполнив все тело, боль резко стихла.

Аура проснулась и стала судорожно ощупывать кровать вокруг себя. Девушку охватила паника, она вскрикнула.

Но никто не услышал: ее комната находилась слишком далеко от остальных.

Все еще не придя в себя, Аура отбросила одеяло и задрала ночную рубашку. На груди ничего нет: ни осы, ни укуса. Все это ей только приснилось.

Аура даже вспотела от страха, и не было сил подняться с постели. Наконец она спустила ноги на пол. Даже через коврик чувствовался холод паркета, хотя вечером Аура разжигала камин. С этим ничего не поделаешь: холод – неотъемлемая часть жизни в замке.

Аура сняла ночную рубашку и стала рассматривать свои ноги. На внутренней стороне бедер блестело тридцать восемь золотых колец – девятнадцать на одной ноге и столько же на другой. Боль не утихала ни на минуту, с тех пор как пять дней назад Аура продела свои золотые серьги под кожу на бедрах. Конечно, Аура ожидала, что будет куда больнее, но и этого вполне достаточно, чтобы напоминать об интернате. По кольцу на каждый из тридцати восьми месяцев, которые ей предстоит там провести.

Кстати, именно Фридрих натолкнул Ауру на такую мысль примерно год назад, незадолго до отъезда в Африку. Тогда он рассказывал в кругу семьи о туземцах, увешанных украшениями в самых интимных местах.

Но Аура носила кольца на бедрах не для украшения. Девушка знала, что со временем привыкнет к жизни в интернате и чувства ее притупятся. Кольца же будут напоминать о предательстве отца. Нестор не противился решению матери отправить Ауру в интернат.

Девушка не сомневалась: интернат – идея Шарлотты. Только мать способна на такую подлость.

Каждый месяц Аура будет снимать по одному кольцу. Так она будет помнить, что сделала ее семья. Да и что значит легкое жжение в бедрах по сравнению с изгнанием?

Аура как раз надевала платье, когда в дверь постучали. Она быстро опустила подол – никто не должен знать о кольцах.

– Кто там? – спросила девушка, застегивая крючки на спине. Последний, как обычно, не поддавался.

– Это я.

Дверь открылась, и вошла Шарлотта.

«Очень вовремя», – с досадой подумала Аура.

Шарлотта нарядилась в одно из своих любимых платьев, которое называла платьем хорошего настроения. Оно было чересчур ярким и пестрым – это сразу бросались в глаза, но говорить об этом матери не имело смысла. К тому же мать и дочь уже давно не беседовали о таких пустяках, как мода. Были дела и поважнее – ссориться, например.

Прежде чем что-то сказать, Шарлотта подошла к дочери и помогла застегнуть крючок.

– Спасибо, – холодно поблагодарила Аура. Присев на край кровати, девушка принялась зашнуровывать высокие темно-зеленые ботинки из мягкой кожи. Любимая обувь Ауры. Она почти только их и носила.

– Фридрих останется на завтрак? – спросила Аура, не зная, как начать разговор. Она понятия не имела, зачем к ней явилась мать. Шарлотта очень редко заходила в ее комнату.

– Он уже уехал, – ответила Шарлотта, подходя к окну.

На витраже был изображен большой котел, откуда выглядывали два поросенка и лебедь с острыми рожками. Аура терпеть не могла этот витраж, впрочем, в последнее время она его едва замечала.

В свете, падавшем сквозь разноцветные стекла, пестрое платье Шарлотты казалось совсем уж безумным.

– Раз он уехал, ты, видимо, уже позавтракала, – сказала Аура.

– Да, мы с Фридрихом позавтракали вместе. Он уехал около часа назад. Впрочем, тебя это вряд ли расстраивает. – Судя по голосу, сама Шарлотта была ужасно огорчена.

«Пожалуйста, – думала Аура, – не мучай меня в такую рань. Говори уже, что тебе нужно, и оставь меня в покое».

Но Шарлотта уходить не собиралась. По-прежнему стоя у окна, она резко повернулась к дочери и в своем платье теперь сама казалась частью витража.

– Я хотела бы знать, почему ты так себя ведешь.

– А как я себя веду? – Аура спокойно продолжала зашнуровывать ботинки. Вопрос матери, однако, задел ее. Конечно, она понимала, о чем спрашивает Шарлотта, но сейчас ей не хотелось это обсуждать. Даниэль ведь тоже неохотно делится своими переживаниями с сестрой.

– Ко мне ты относишься отвратительно – к этому я привыкла, – устало начала Шарлотта. – Но в последнее время ты и со всеми остальными ведешь себя так, будто они тебе враги. С Даниэлем ты больше не ладишь, а Кристоферу даже не дала ни единого шанса!

Шарлотта направилась было к дочери, но остановилась в шаге от нее. Искреннее сочувствие в ее голосе сильно смутило Ауру.

– Неужели дело только в интернате?

Аура бросила на мать быстрый взгляд.

– Только в интернате? По-твоему, этого мало? Как по мне – вполне веская причина.

– И ты винишь в этом меня?

– А кого же еще? Ведь это ты устроила!

– Неправда! – Лицо Шарлотты приняло непривычно жесткое выражение. Она не впервые отрицала, что отправить Ауру в интернат – ее идея. Но никогда еще это не выглядело так убедительно, как сейчас.

На мгновение Аура ей почти поверила, но тотчас же привычная обида на мать вернулась.

– Отец никогда бы этого не предложил! – Казалось, Аура пытается саму себя в этом убедить.

– Твой отец не просто предложил, а категорически настаивал! – не унималась Шарлотта. – Я об этом узнала уже после того, как он обо всем распорядился. И то случайно. Будь его воля, он бы отправил тебя тайком. Такой уж человек твой отец, Аура. И всегда был таким. Даже если ты не желаешь это признавать.

Аура зажмурилась. Слезы готовы были вот-вот брызнуть из глаз, и она ненавидела себя за это.

– Зачем же ты вышла за него замуж?

Мать отрешенно смотрела куда-то вдаль.

– Это случилось очень давно.

– Но ты утверждаешь, что он всегда был таким. – Аура не хотела беречь старые раны, но не сумела сдержаться. Да что же с ней, в конце концов, происходит?

– Я всегда считала твоего отца... сложным человеком. Не таким, как другие. Он был хорош собой, но прежде всего... – Шарлотта запнулась, подбирая слово, – обаятелен. Мы познакомились в Берлине на балу, и он... Ах, Аура, ты же знаешь эту историю.

Аура действительно знала эту историю, но, кажется, ни разу не слышала ее из уст матери. Все это рассказал ей однажды отец, много лет назад, когда Аура была еще ребенком, а он не прятался от всего света на чердаке.

Нестор и Шарлотта познакомились во время бала-маскарада лет двадцать назад. Шарлотте было тогда семнадцать или восемнадцать – избалованная девочка из хорошей семьи. Родители ее погибли в кораблекрушении у датских берегов почти сразу после рождения дочери. С тех пор Шарлотту воспитывала дальняя родственница по материнской линии, а та, хотя и владела значительным состоянием, не скрывала, что старается как можно скорее выдать девушку замуж. Она до того увлекла Шарлотту рассказами о роскошных свадьбах, любящих мужьях и счастливых семьях, что вопрос «Когда?» стал интересовать девушку куда больше, чем «За кого?». Замуж – и как можно скорее! Потому-то, едва встретив Нестора, Шарлотта была готова тотчас же идти под венец. Нестор Инститорис был богат и избалован вниманием женщин, однако Шарлотта ничуть не ревновала его. Соперницы лишь разжигали в ней дух борьбы. Впоследствии Нестор признавался дочери, что и вправду потерял голову от Шарлотты, от ее красоты, искренности и некоторой наивности. Спустя несколько недель после знакомства они сыграли свадьбу, и опекунша Шарлотты была просто счастлива, что ее воспитанница теперь будет жить в далеком поместье Нестора Непомука Инститориса.

Отчего же обаятельный ловелас превратился в нелюдимого отшельника и так себя запустил? Об этом в замке не говорили. Едва ли сама Шарлотта знала ответ на этот вопрос. Даже Аура, единственная, кто мог подниматься на чердак, имела весьма смутное представление о том, чем отец там занимается. Нестор всегда тепло относился к старшей дочери. Только ей дозволялось посещать его владения под крышей – ни Сильветта, ни Даниэль, ни тем более Шарлотта не были удостоены такой чести.

Шарлотта знала, что старшая дочь – любимица Нестора, и оттого все больше любви отдавала Сильветте. Платья для младшей дочери шили лучшие портные Берлина и Гамбурга, любое ее желание исполнялось, стоило ей только попросить.

Конечно, Аура любила младшую сестру, но любовь эта омрачалась завистью. Она долгое время не понимала, почему мать так к ней относится: поступки Шарлотты казались ей

подлыми и несправедливыми. Лишь в последние год-два Аура стала догадываться, отчего мать больше любит младшую дочь. Шарлотта явно что-то скрывала.

Аура никогда не задавала матери вопросов, но, может быть, именно сейчас – подходящее время. В ближайшие три года такой возможности не представится.

– А Фридрих знает? – спросила Аура бархатным голосом, не поднимая глаз и продолжая деловито шнуровать ботинки.

Шарлотта глубоко вздохнула.

– О чем ты? – Мать подошла ближе, взяла Ауру за подбородок и посмотрела ей прямо в глаза. – Что должен знать Фридрих?

Аура пожалела, что завела этот разговор. Конечно, так себя вести нельзя, но виноватой она себя не чувствовала. Шарлотта явно растерялась и впервые – да, действительно впервые – взглянула на дочь с нескрываемой враждебностью. Ну и пусть, зато наконец-то они поговорят откровенно.

– Фридрих знает, что Сильветта его дочь? – Аура постаралась произнести это как можно жестче.

Молчание. Девушку бросило в жар.

Шарлотта отвесила дочери звонкую пощечину.

Аура не шелохнулась. Сидя на краю кровати, она грустно взглянула матери в глаза.

– Зачем ты со мной так? – прошептала Шарлотта. Голос ее больше походил на тяжкий вздох. – Почему ты так со мной поступаешь?

– Ты сама так с собой поступаешь, мама. Это только твоя вина.

Шарлотта на мгновение оцепенела. Затем словно очнулась и нервным движением смахнула слезы, размазав тушь по лицу.

– Это Нестор, да? Он рассказывает тебе такие вещи?

– Нет, мама. Отец ничего мне не говорил. Но догадаться нетрудно.

– Тогда послушай внимательно: что бы ты там себе ни навывдумывала, это неправда! – Шарлотта резко распахнула дверь и вышла в коридор. – Неправда, понимаешь?

Дверь захлопнулась, и Аура осталась одна, залитая цветными лучами света. Досадую на собственную резкость, она схватила ботинок и запустила им в окно. Но витраж выдержал, и ботинок грохнулся на пол.

Аура бросилась на кровать и зарыдала.

В полдень, сойдя с поезда, Джиллиан хотел купить газету, но станция оказалась такой маленькой и убогой, что даже киоска не нашлось. Кроме Джиллиана, здесь никто не вышел. Сумку с одеждой и другими совершенно ненужными вещами, которую ему всучили перед отъездом Штык и Клык, он бы с радостью оставил в купе, ведь она будет только мешать. Да и не нужно ему все это: ни оружие, ни брюки с рубашкой. Он вернется самое позднее послезавтра. Джиллиан ни секунды не сомневался, что управится за это время.

С ненавистой сумкой в правой руке он прошел мимо будки смотрителя станции к началу платформы. Но ни зала ожидания, ни просто комнатки, где можно было бы погреться, на станции не оказалось. Джиллиан почти час мерз на ветру, пока не заметил вдали повозку.

Станция располагалась посреди поросшей травой равнины. Дальше на север начинались дюны. Черная змейка железной дороги разрезала пустынный пейзаж пополам. Эта дорога – единственное, за что мог зацепиться взгляд под серым октябрьским небом. Перед поездкой Джиллиан рассматривал карту и знал, что к востоку от станции, примерно в получасе езды, есть деревня. А оттуда рукой подать до замка Инститорисов.

Повозка ехала по ухабистой дороге. Ни одного поворота – к чему они в такой местности? Объезжать нечего: кругом только ровные, пустынные, продуваемые всеми ветрами

поля, редкие лесочки да еще, немного южнее, широкие болота. Похоже, старый Инститорис всеми силами старался скрыться подальше от людей.

Кучер долго смотрел Джиллиану вслед, когда тот слез с повозки. Подобный взгляд ему хорошо знаком: люди часто замечали в нем нечто необычное, какую-то мягкость в его чертах, и называли это женственностью, ведь об истинной причине не догадывались.

Джиллиан поспешил скрыться от хлесткого ветра в крохотной деревенской гостинице. Он занял комнату с видом на дюны, заплатил за два дня вперед и дал хозяину чаевые – ни много ни мало – ровно столько, чтобы расположить его к себе, но и не вызвать подозрений.

Проспав часа три, он встал. К вечеру еще похолодало, и Джиллиан натянул вторую рубашку. Выйдя со двора, он быстро зашагал по дюнам к морю. Ледяной ветер по-прежнему пробирал до костей. Обеими руками Джиллиан стягивал ворот куртки, проклиная Лисандра вместе с его дурацким заданием.

Из окна гостиницы он видел полосу песка шириной около километра, а за нею – архипелаг. Казалось, до воды всего ничего, но идти пришлось долго. Каждый шаг по рыхлому песку давался с трудом. Конечно, можно свернуть на проторенную дорогу, но тогда велик риск встретить повозку, в которой слуги возвращаются из замка в деревню. Так что уж лучше пробираться через дюны.

Плотная завеса облаков обрывалась над морем. В просвете между облаками и водой пылало заходящее солнце. У самого берега бледно-желтый песок отливал красным. Этот особенный эффект создавали крупинцы кварца и полевого шпата в песке, и Джиллиан, позабыв о своем задании, невольно замер в восхищении.

До воды оставалось не больше сотни метров, как вдруг осенние облака сомкнулись, последние лучи солнца погасли, и на побережье опустились печальные сумерки. В небе пронзительно кричали чайки и кружили орланы. Все это настроило Джиллиана на меланхолический лад, и он почувствовал отвращение к предстоящей работе. Пора завязывать с такими делами, вот уж точно, пора.

Дойдя до подножия последней дюны, он сел на песок и перечитал письмо Лисандра от начала до конца, запомнил как следует каждую деталь, каждую мелочь. Затем взобрался на вершину и уставился на замок.

Сходство с картиной в логове Лисандра было поразительным, хотя и неполным. Основное отличие состояло в том, что могучие каменные глыбы справа и слева от кипарисовой рощи оказались не скалами, а частями самого замка. Не было на картине и пяти маленьких островков вокруг большого острова. На одном из них, самом северном, возвышался маяк.

Джиллиан стоял как раз там, где в море выдавался пирс. К нему были пришвартованы небольшая двухмачтовая яхта и крошечный ялик. Люди, приплывшие на яхте, сейчас либо в каюте, либо в деревне. Кругом не видно ни души.

Он забрался в ялик, отвязал канат и опустил весла в воду. В сумерках из замка его не увидят. Ялик покажется просто серым пятном на волнах.

Джиллиан дрожал, хотя грести оказалось тяжело и он вспотел. Ледяной ветер дул в сторону берега, поднимал волны, и пена брызгала прямо в лицо. Джиллиан снова ошибся в расчетах. До острова было едва ли больше полукилометра, но плыть пришлось против течения, и вскоре руки у него заныли от напряжения.

Метров за двадцать до скал он решил, что лучше будет для начала осмотреть замок издали. Проклиная все и вся, он поплыл вокруг острова.

Неподалеку от острова, где стоял замок, метрах в пятидесяти или ста от него, из воды торчали небольшие клочки земли. И только тот островок, на котором высился темный маяк, находился чуть дальше. Если бы Джиллиан не разузнал об этом месте все, он бы решил, что острова искусственные, построенные по приказу хозяина замка. Так или иначе, местечко диковинное. Неудивительно, что Нестор Инститорис нашел уединение именно здесь. Вокруг

островов и замка царила особенная атмосфера. Другой, пожалуй, не обратил бы внимания, но Джиллиан обладал особым чутьем. Возможно, это как-то связано с тем, чем Нестор занимается в оранжерее под крышей. Лисандр и об этом упомянул в инструкции.

Обогнув остров наполовину, Джиллиан заметил у северо-восточной стены часовню, построенную вплотную к замку. Похоже, попасть туда можно только изнутри. В высоких стрельчатых окнах темно.

Взгляд Джиллиана скользнул по крыше замка. Пришлось немного отплыть от острова и поискать место, откуда лучше видно. Крыша над центральной частью действительно оказалась стеклянной. Стекла были вправлены в металлические рамы. Джиллиан различил внутри оранжереи лишь нечеткие силуэты каких-то высоких растений. Тусклый свет из окон тонул в вечерних сумерках.

Джиллиану удалось разглядеть еще кое-что: по северной стене замка, цепляясь руками и ногами за железные скобы пожарной лестницы, карабкался человек. Очевидно, злоумышленник.

Не замечая ялик и Джиллиана, незнакомец взбирался все выше и выше, приближаясь к стеклянной крыше оранжереи.

Неужели Лисандр нанял кого-то еще, чтобы задание было выполнено наверняка? «Нет, – решил Джиллиан, – вряд ли».

Кем бы ни был незванный гость, Джиллиан был ему премного благодарен. Сам он нипочем не увидел бы ступеньки в угасающем свете дня. А теперь он знает, как незаметно пробраться в логово Нестора.

Еще несколько мгновений он наблюдал за незнакомцем, а затем развернул ялик и поплыл прочь, легко взмахивая веслами. Он вернется завтра и без лишнего шума выполнит свое задание.

«Если, конечно, к тому времени меня не опередят», – со слабой надеждой подумал он.

Тем временем таинственный незнакомец добрался до верхней ступеньки на северной стене и, подтянувшись, забрался на карниз. Вдоль застекленного ската крыши тянулся каменный выступ – что-то вроде балюстрады – высотой примерно до пояса. За ней – узкая галерея. Стеклянная дверь вела оттуда в оранжерею.

Невыносимо мерзли пальцы, и Кристофер не раз хотел бросить эту затею и вернуться. Но вот он наверху! Прогреть, едва стоит на ногах, зато прямо перед ним – все тайны приемного отца.

Впечатляющее зрелище. За стеклянным скатом крыши рос самый настоящий лес. Да не какие-нибудь чахлые кустики или тощие деревца – нет, настоящие джунгли. Так, по крайней мере, показалось Кристоферу, видевшему дикие леса только на картинках.

В оранжерее было темно, лишь справа за кустами что-то мерцало. В угасающем дневном свете Кристофер разглядел только очертания большинства растений, но все же некоторые деревья и кусты он узнал сразу: то были экзотические южные растения. Среди них – две-три пальмы с длинными, сухими стволами. Исполинские листья нависали над садом, словно крылья застывших в полете птиц.

Нестора нигде не было видно. Кристофер предположил, что старик там, где горит свет, – за деревьями.

Скобы на стене – что-то вроде пожарной лестницы – Кристофер обнаружил утром, когда перед занятиями бродил в одиночестве вокруг замка. Кое-где стены переходили в отвесные скалы. Перемещаться по узким выступам над пропастью оказалось не так-то просто. Далеко внизу бились о берег волны, морской ветер трепал одежду. Кристофер испытал нечто большее, нежели обычная гордость, когда пробрался наконец на чердак. Это победа!

Пусть дверь с рельефом пеликана заперта – он нашел другой путь. Теперь-то он все выяснит. Ему не терпелось узнать, что скрывает отец, особенно сейчас, когда он в двух шагах от цели.

Кристофер бесшумно перелез через балюстраду и приблизился к стеклянной двери. Задвижка с той стороны была открыта. Не раздумывая ни минуты, он шагнул внутрь и тихо прикрыл за собой дверь.

В оранжерее было жарко и душно, на стеклах блестели капли. Кристоферу показалось, что он сейчас задохнется, но легкие понемногу привыкли к влажному воздуху.

Вдруг Кристофер вспомнил про крики, которые слышал прошлой ночью, вспомнил, как сильно испугался. Ему опять стало страшно, хотя он убеждал себя, что ничего страшного не случится. Пусть даже усыновить его хотела Шарлотта, Нестор – его приемный отец. Кристофер сильно сомневался, что старик давал согласие на усыновление его самого или Даниэля. Вероятно, Шарлотта вовсе и не спрашивала мужа.

Что ему может сделать Нестор? Ну поколотит – так к побоям Кристофер привык еще в приюте. Важнее другое: не откажется ли от него Шарлотта, не отправит ли обратно?

Сначала Кристофер хотел обойти заросли, но тут же сообразил, что среди деревьев безопаснее. Он осторожно раздвигал ветки и крупные листья, тихо, почти беззвучно.

Пройдя несколько шагов, Кристофер будто очутился в другом мире. Вокруг него тесно переплелись ветки и стебли, усики и листья. Некоторые растения оказались совсем уж экзотическими: Кристофер не припоминал, чтобы хоть раз видел их в книгах брата Маркуса. Но был и неприятный сюрприз: Кристофер вдруг почувствовал, какая гнетущая тут атмосфера, какой тяжестью она давит на грудь, – и дело тут вовсе не в жаре и высокой влажности.

Справа, откуда падал свет, раздалось дребезжание и кто-то тихо выругался. Нестор! Но он далеко, где-то на другом конце зарослей, и, конечно, не заметил Кристофера.

Юноша двинулся дальше и наступил в одну из оросительных канавок, пересекавших сад. Кристофер невольно задавался вопросом, когда и, главное, как Нестор устроил эту оранжерею. Чтобы натаскать одной только земли, нужны недели, даже месяцы. Судя по высоте деревьев, их посадили несколько десятилетий назад. Может, Нестор получил этот сад в наследство от кого-то из предков?

Одно ясно: старик прячет на чердаке настоящее чудо.

Кристофер вздрогнул. Слева раздался шорох.

Еще раз. Совсем близко.

Бежать поздно. Что-то острое вдруг блеснуло в листве – клинок! Он приближался, и Кристофер увидел... птицу.

Клинок оказался длинным, почти в полметра, клювом, а сама птица доставала Кристоферу до колен. Короткие лапки, светлое туловище, темные крылья, длинная изогнутая шея. «Пеликан!» – осенило Кристофера.

Не успел он прийти в себя, как пеликан, уставившись на него черными как смоль глазами, вдруг раскрыл клюв, похожий на гигантские ножницы, и издал оглушительный крик. Такой же, как ночью.

От неожиданности Кристофер отшатнулся, потерял равновесие и с грохотом рухнул на землю. Он угодил руками в канавку, а затылок расцарапал о ствол пальмы. Пеликан в это время бегал кругами и вопил как резаный. Все громче и громче.

Тут кто-то раздвинул ветки, и Кристофер увидел сначала руки, потом лицо.

– Это что такое!.. – От ярости у Нестора перехватило дыхание. Он бросился на несчастного Кристофера, схватил за волосы и с неожиданной силой рванул вверх.

Теперь Кристофер и пеликан кричали один громче другого. Наконец Нестор отпустил волосы Кристофера и, не говоря ни слова, подтолкнул вперед. Всего несколько шагов – и они выбрались из зарослей. Оказалось, что сад не больше восьми метров в ширину.

Нестор стоял перед Кристофером, уперев руки в боки.

– Признавайся, залез по стене?

– Да, по ступенькам, – растерянно промямлил Кристофер. От страха он с трудом соображал. Кожа головы горела.

– А знаешь, что на этом острове раньше делали с незваными гостями?

– Наверное, варили живьем? – Кристофер покосился на огромный котел, дымящийся на открытом огне в западной части оранжереи.

Старик недоверчиво прищурился, и по лицу его скользнула тень улыбки.

– А тебе палец в рот не клади!..

Кристофер не успел ничего ответить: в этот момент раздалось какое-то дребезжание. Тотчас обернувшись, старик всплеснул руками и бросился к котлу.

Котел выглядел непривычно. Он представлял собой закрытый металлический цилиндр метра полтора высотой, с одной стороны из него выходила труба и, резко изгибаясь, исчезала в стене. А дребезжал, как оказалось, предохранительный клапан в верхней части цилиндра.

Нестор закатал рукава рубашки, схватил лопату и стал подбрасывать в огонь под котлом уголь из огромной, высотой в человеческий рост, кучи.

Кристофер стоял и озибался по сторонам. Он все еще немного боялся, но постепенно страх уступил место любопытству. Пусть его накажут, зато он хотя бы выяснит, что происходит здесь, наверху.

В этой части оранжереи крыша тоже была стеклянная, как и на противоположной стороне, обращенной к морю. Снаружи, всего в нескольких метрах, на фоне ночного неба виднелись верхушки кипарисов. Они зловеще покачивались на ветру. Все пространство между зарослями экзотических растений и стеклянным скатом крыши – метров шесть в ширину – было заставлено шкафами, полками и разнообразными ящиками.

Котел стоял среди уймы приспособлений, стеклянных сосудов самых причудливых форм, соединенных трубками и шлангами. Колбы для дистилляции, непонятные инструменты, горшки, весы, бутылочки, мензурки с разноцветными жидкостями, сушеные травы и даже препарированный труп игуаны – все это громоздилось на столах, табуретах, стеллажах и полках возле котла. Лаборатория располагалась не в самой оранжерее, а в своего рода нише, выложенной из камня, у западной стены чердака. Всего три стенки и крыша, а сторона, обращенная к оранжерее, открыта, так что тепло от огня согревает воздух.

Позади всех этих приспособлений, в дальней стене лаборатории, виднелась деревянная дверь. Проем был такой низкий и узкий, что Кристофер мог бы пройти там только наклонившись. Кстати, и Нестор тоже: несмотря на возраст и сутулость, он казался лишь немного ниже Кристофера, то есть росту в нем – метр восемьдесят, если не больше.

На полке недалеко от огня стояло несколько бутылок с крупными этикетками, так что Кристофер даже издали смог прочитать надписи на них. Какие-то диковинные слова: «Hyle» или «Azoth». На одной бутылке написано: «Ros coeli», на другой – «O potab». Осколки еще одной валяются на полу, а сохранившаяся этикетка гласит: «Sang», а ниже значок – то ли змея, то ли бескрылый дракон.

Тем временем Нестор с помощью вентиля на отводной трубе отрегулировал давление в котле. Пламя разгорелось ярче. С мокрым от пота лицом приемный отец повернулся к Кристоферу.

– Ты ведь знаешь, тебе здесь делать нечего, – проворчал Нестор, и глаза его снова сверкнули, как тогда, в гостиной. – Но обойдемся без нравоучений: для этого уже поздно. Итак, чего ты хотел?

Едва оправившись от изумления, Кристофер уставился на Нестора и пробормотал:

– Познакомиться с вами... с тобой, отец.

– Отец! – хмыкнул Нестор. – Нет уж, я тебе не отец. И ты мне не сын. Шарлотте хочется заниматься ерундой – пожалуйста, но меня сюда не впутывай, ясно?

– Конечно, – поспешно согласился Кристофер. – Извините, что назвал вас... то есть обратился к вам на ты... я... – Боже, какой-то детский лепет!..

– Перестань, – резко прервал его Нестор, – и отвечай наконец честно: что тебе здесь нужно?

– Мне было любопытно.

– И чем же вызвано любопытство? Мною или вот этим? – Он широким жестом обвел оранжерею.

– И тем и другим.

– Ну вот, ты все увидел. Удовлетворил свое любопытство?

– Нет, не совсем, – признался Кристофер, – здесь столько вещей... я не понимаю, для чего они.

– Ты разбираешься в химии?

– Я читал кое-что. Немного.

– А что ты знаешь об алхимии?

Пеликан вразвалку протопал между ними, негромко гогоча, описал полукруг и снова исчез в зарослях.

– Это наука о превращении, – ответил Кристофер.

– О превращении чего?

– Неочищенного в очищенное, – сказал Кристофер. И добавил чуть тише: – Я так думаю.

– Сказал бы «свинца в золото», я бы тебя отсюда выгнал. – Нестор еще раз смерил его взглядом. – На вид ты довольно крепкий. Умеешь обращаться с лопатой?

– Конечно.

– Ну так займись делом!

Больше ничего не объяснив, он повернулся и исчез вслед за пеликаном в глубине сада. Кристофер остался один.

Но он недолго раздумывал. Резво бросился вперед, к диковинной магической лаборатории, схватил лопату и подбросил угля в огонь. Время от времени сюда, наверное, поднимаются слуги, едва ли Нестор смог бы сам притащить по лестнице столько угля.

Но, по правде говоря, Кристофер считал, что старик и не на такое способен. Нестор удивил его до глубины души. Кристофер ожидал чего угодно: побоев, ругани, изгнания из замка, но только не того, что ему поручат поддерживать огонь в алхимической лаборатории.

Кристофер не знал, слышит ли его Нестор, и все же крикнул, повернувшись в сторону сада:

– Так что все-таки тут делали с незваными гостями?

Юноша пыхтел, подбрасывая уголь в огонь под котлом. Никогда прежде он не видел, чтобы пламя так быстро пожирало топливо. Да еще было такого необычного, зелено-ватого-желтого цвета.

В зарослях послышалось ворчание, затем опять появился пеликан, а следом за ним Нестор с пучком трав в руке.

– Что ты хочешь услышать? Страшную сказку или правду?

– Лучше правду.

Нестор затолкал травы в ступку и принялся растирать их пестиком.

– Во времена раннего Средневековья Балтийское море таило в себе множество опасностей. Здесь хозяйничали разбойники-язычники. В восьмом или девятом веке викинги, славяне, армянские и арабские купцы, финны, хазары, сирийцы и евреи через русские реки наладили сообщение с восточным побережьем Средиземного моря, в первую очередь с развитыми городами Малой Азии. Сюда, на север, поставляли экзотические товары: пряности,

масла и украшения, а расплачивались людьми. В Северной Африке и Азии особым спросом пользовались белокурые девушки. Это ты, наверное, знаешь.

От измельченных трав исходил пряный аромат, он заглушил даже запах горящего угля. Нестор продолжал орудовать пестиком.

– Позже сюда явился флот Священной Римской империи. Правда, прибывших торговля мало интересовала. Ужасные битвы разгорелись у портовых городов – таких, как Винета, и пиратских крепостей – таких, как Аркона на острове Рюген. В конце концов большинство язычников изгнали, но кое-где они все же остались. Разбойники засели на крохотных необитаемых островках и стали готовиться к ответному удару.

– И здесь? – с интересом спросил Кристофер. – На этом острове тоже?

Нестор улыбнулся – впервые в его улыбке мелькнула доброжелательность.

– Разумеется, мой мальчик. Благо до грандиозной битвы дело так и не дошло: разбойники были слишком слабы, а их противники – слишком сильны. Тем не менее некоторые пираты не оставили своего ремесла вплоть до шестнадцатого века. На нашем острове хозяйничала одна из самых свирепых шаяк. Задолго до того, как построили замок, именно тут стояла пиратская крепость. И уж поверь мне, лучшего места для нее не найдешь. Тебе уже рассказали о тоннелях под водой?

Кристофер вытаращил глаза и помотал головой.

– Один ведет к маяку, через расщелину в скале, другой – к острову-кладбищу, – пояснил Нестор.

Он взял бутылку и наполнил ее травяной кашицей. Кристофер вздохнул с облегчением, как только старик закупорил сосуд пробкой.

– Разбойники позаботились о путях отступления. Думаю, этим негодяям здесь неплохо жилось. К сожалению, ни с кем из них я не знаком.

Кристофер вежливо улыбнулся, но сразу же снова принял серьезный вид, заметив, что взгляд Нестора помрачнел. Старик указал на лопату.

– Продержишься до утра?

«До утра?!»

– Я... да, думаю, да.

– Хорошо.

Больше Нестор не сказал ни слова. Он развернулся и скрылся за низенькой деревянной дверью в дальней части лаборатории. Верный пеликан вразвалку последовал за хозяином. Кристофер услышал, как в замочной скважине повернулся ключ.

Не двигаясь с места, он недоверчиво посмотрел вначале на дверь, потом на лопату в руках. Наконец, пожав плечами, засучил рукава и вернулся к работе.

Небо над стеклянным сводом сперва потемнело, затем, спустя долгие часы, которые показались Кристоферу вечностью, стало потихоньку светлеть, а он все подбрасывал уголь. Раз в несколько минут делал перерыв, но не очень долгий, на случай, если Нестор неожиданно вернется. Да и кто знает, вдруг старик сидит за стеной и, ухмыляясь, наблюдает через дырку за стараниями юноши?

Солнце поднялось над кипарисами, нежное сияние утренней зари осветило растения в оранжерее. А Нестор все не появлялся.

Наконец, когда небо совсем посветлело, в замке крохотной двери снова заскрежетал ключ. Нестор вошел, зевая и потягиваясь, и принялся тщательно осматривать Кристофера.

Юноша снял рубашку и нижнюю сорочку, штанины закатал до колен. Волосы слиплись, глаза закрывались от усталости. Пот и угольная пыль тонкой пленкой покрывали кожу.

Бросив короткий взгляд на Нестора, Кристофер продолжил грести уголь. Отблески огня плясали на его теле, глаза сверкали.

Старик довольно долго рассматривал его, затем молча подошел к котлу и, открыв предохранительный клапан, сунул внутрь сухожилие какого-то животного. А когда вынул, оно рассыпалось, будто его разъела кислота.

– Проклятье! – разозлился Нестор, хотя, судя по всему, не слишком удивился. – Все напрасно. – Он глубоко вздохнул. – Можешь прекращать.

Кристофер покачнулся и рухнул бы от усталости, если бы в последний момент не оперся на лопату.

– Напрасно? – едва слышно переспросил он сиплым голосом. – Хотите сказать... – Он откашлялся. – Хотите сказать, не подействовало?

– Не подействовало? – повторил Нестор, качая головой. – Ох, мальчик мой, ты даже не представляешь, о чем идет речь.

Кристофер опустил на корточки, откашлялся и сплюнул в огонь.

– Я думал, о Великом Творении. Об *aurum potabile*, золотом напитке. – Кристофер устался на Нестора. – Разве нет?

Старик тоже пристально посмотрел на него, в его глазах явственно читалось если не одобрение, то, во всяком случае, интерес.

– Похоже, ты читал кое-какие книги.

Кристофер хотел было подтвердить эти слова, но все же решил честно признаться:

– Нет, но я кое-что слышал от брата Маркуса, моего наставника из приюта. Иногда он рассказывал о фантазиях и суевериях средневековых монахов.

– Что ж, этот добрый человек, похоже, имел довольно приблизительные представления об алхимии, – усмехнулся Нестор. – Ладно, мой мальчик, иди-ка умойся, – он указал на большую бочку с водой в другом конце оранжереи, – а потом поговорим.

Когда Кристофер смыл с себя копоть и пот, Нестор привел его обратно в лабораторию и принялся объяснять, как работает котел.

– Огонь никогда – никогда! – не должен гаснуть, – строго говорил он, – потому что печь, атанор, – самое главное для алхимика.

Он разъяснил назначение вентиля и рычагов, с помощью которых можно поддерживать слабый огонь, не подбрасывая уголь. Вскоре Кристофер узнал, как устроены кое-какие приборы в лаборатории, хотя для чего они нужны, Нестор ему не объяснил. Но юноша старался сдерживать свое нетерпение. Он задавал лишь самые простые вопросы и сосредоточенно слушал, что говорил приемный отец.

Нестор подвел его к полкам с сосудами и разъяснил суть некоторых опытов, а затем уселся в роскошное кресло в передней части оранжереи. Кристофер расположился напротив него на старом диване. Над ними поблескивал прозрачный скат крыши, а за стеклом виднелось серое утреннее небо. Нестор сидел спиной к кипарисовой роще. Деревья высились за ним, как гигантские копы.

– Я не стану выяснять, насколько ты смыслишь в алхимии, мой мальчик. – Нестор взял трубку и принялся ее набивать. – Лучше я кратко расскажу то, что может тебе пригодиться.

«Пригодиться мне? – взволнованно подумал Кристофер. – Почему мне?» Но он не спросил об этом вслух – побоялся перебивать Нестора.

– Основная цель каждого алхимика – и сегодня, и семьсот лет назад – это Великое Творение. Тут, мой мальчик, ты совершенно прав. – Нестор так проникновенно говорил «мой мальчик», что Кристофер невольно удивлялся, почему вчера старик так вспылал, когда он назвал его отцом. – Великое Творение есть не что иное, как создание философского камня. Многие считают, будто философский камень нужен лишь для того, чтобы превращать свинец или ртуть в золото. Однако истинное его предназначение вовсе не в этом. Вся жизнь алхимика – это путь к совершенству. Его цель – человек, совершенный во всех отношениях. К тому же философский камень – это и не камень вовсе, а красный порошок, так называемый

«порошок проекции». Герметисты называли его камнем, так как он, подобно камню, выдерживает обжиг. Камню приписывают определенные свойства. – Нестор откинулся на спинку кресла, поднял вверх три пальца и начал загибать один за другим: – Первое я уже упомянул – это трансмутация неблагородного металла в золото. Второе – вечный, неугасимый свет. А третье, и самое важное, состоит в том, что камень – это универсальное лекарство. Если растворить его в вине и выпить, можно вылечить от любой болезни, перестать стареть и даже получить вечную молодость.

Кристофер ошарашенно кивал. А что еще ему оставалось?

– Вон там, за дверью, – Нестор указал на крохотную дверцу в дальней части лаборатории, – моя библиотека. Я собрал тысячи трактатов по алхимии, и почти в каждом описан свой путь к обретению камня. Я испробовал каждый из них, уж поверь мне. Но все напрасно.

– Вы спрашивали Фридриха про кровь дракона – она для этого нужна? – вспомнил Кристофер.

Фридрих, тьфу! – Нестор нахмурился, глубокая складка пролегла у него на лбу. – Жалкий человек. Да, мой мальчик, ты прав. Считается, что кровь дракона, раздавленного слонем, – один из ингредиентов, нужных для создания камня. – Старик затряс головой так, словно хотел выгнать из нее все дурные мысли. – Но помимо нее, есть тысячи других ингредиентов и бесконечное множество способов их смешать.

– Но как же порошок может даровать вечную жизнь? – спросил Кристофер, надеясь, что Нестор не обидится на его недоверчивость.

– Думаешь, это противоречит законам природы, так? Как посмотреть. Что, если предположить, что магия существует? А ведь именно из этого исходят алхимики в своих представлениях о мироустройстве. Тогда получается, что мир живет совсем по иным законам, чем те, что известны тебе.

– Магия? – удивился Кристофер.

– Именно. В магии нет ничего сверхъестественного, это лишь иной взгляд на мир. Она не отрицает законы природы, но заставляет взглянуть на них иначе, принять во внимание такие силы, существование которых не признает наука. Алхимик взаимодействует с природой, старается подражать ей. Ученые же, напротив, подавляют и разрушают природу, вступают с ней в борьбу, вместо того чтобы у нее учиться. – Нестор закурил трубку и стал пускать серые облачка дыма. – Впрочем, вижу, все это лишь сбивает тебя с толку. Ничего удивительного. – Он покачал головой и вздохнул. – Как объяснить ребенку то, чего до сих пор не поняли самые могучие умы?

– Я давно не ребенок! – возмутился Кристофер.

– Напрасно, – возразил Нестор. – Будь открытым и любознательным, как ребенок, и тогда ты сможешь многому у меня научиться.

– Научиться у вас?

У Кристофера засияли глаза, и, кажется, старика это порадовало: он подался вперед и заулыбался.

– С сегодняшнего дня ты мой ученик.

Невероятное воодушевление охватило Кристофера, но вместе с тем и легкая досада, ведь его мнения даже не спросили. Но конечно, он очень хотел стать учеником Нестора. Превращать неблагородные металлы в золото. Обрести вечную жизнь. Пусть старик занимается этим во имя высшей цели. Кристофера интересует практическая выгода. И он добьется своего любой ценой.

Нестор достал из кармана брюк длинный ключ.

– Вот ключ от двери на чердак. Возьми, теперь он твой.

Как во сне, Кристофер протянул правую руку и взял ключ. По ладони пробежал холодок.

– Почему я?

Вдруг, словно по волшебству, прямо за ними, слева от лаборатории, распахнулась узкая дверь с рельефом пеликана.

– Мне тоже интересно: почему он? – раздался сердитый голос. В оранжерею ворвалась разъяренная Аура и встала между Нестором и сводным братом. В руке у нее был такой же ключ, как у Кристофера.

– Аура! – воскликнул Нестор с притворным удивлением. – Я и не слышал твоих шагов. Садись, садись. – Чудаковатый старик встал и указал дочери на кресло.

Аура, однако, и не подумала сесть. Она стояла и смотрела на отца – с гневом, но в то же время растерянно.

– Почему ты выбрал его? Он же чужак. Даниэлю ты не предлагал...

Нестор прервал ее мягко, но вместе с тем нетерпеливо:

– Этот юноша ведь не Даниэль, дитя мое.

– Ты ничего о нем не знаешь. Совсем ничего.

– Зато слишком много знаю о Даниэле.

– Ты никогда и не пытался по-настоящему узнать его.

– В этом моя ошибка, и с Кристофером я намерен ее исправить.

– Поздновато, не находишь? – спросила девушка, задышавшись от волнения.

– Аура, – спокойно говорил ей отец, – чего ты требуешь от меня? Даниэль вполне доказал, что слишком слаб для того...

Теперь она его прервала:

– Слишком слаб? – закричала Аура. – Господи, отец, да о чем ты говоришь! Кого-кого, а Даниэля слабым никак не назовешь!

Нестор сохранял спокойствие.

– Он пытался лишиться себя жизни, дитя мое. Ты ведь об этом не забыла?

– У него была причина.

– Упал с лошади, и что же?

– Он не сможет иметь детей.

– Ты и впрямь хочешь убедить меня, что это повод вскрывать себе вены? – Нестор впервые повысил голос. Казалось, будто на чердаке повеяло ледяным ветром.

Кристофера эта ссора сперва неприятно удивила, но потом стала все больше и больше увлекать. Даниэль пытался покончить с собой, потому что из-за несчастного случая во время поездки верхом не сможет иметь детей? Да, ну и дела здесь творятся!

Лицо Ауры пылало от злости. Девушка пыталась найти нужные слова.

Но Нестор не стал дожидаться, пока она что-нибудь скажет. Он шагнул ей навстречу и пристально посмотрел в глаза. На мгновение показалось, что Аура отпрянет, но она твердо выдержала его взгляд.

– Я знаю, что было между тобой и Даниэлем, – прошипел Нестор. От слегка безумного, но дружелюбного старика не осталось и следа. Даже Кристофер невольно испугался. – И тебе известно, что я этого никогда бы не допустил. Кто знает, что могло бы произойти, не случись с ним то несчастье.

– Ты говоришь так, будто этому рад! – смело воскликнула Аура.

– Малая беда предотвратила большую беду, – отрезал он.

Эти слова поразили ее, но и тут она не отвела взгляда.

– Теперь вот он займет мое место? – И она с ненавистью указала на Кристофера, который смущенно поглядывал то на нее, то на Нестора.

– Кристофер – мой ученик, – уже спокойнее ответил Нестор, – а ты моя дочь. Вот в чем разница. – Он протянул руку к Ауре, но девушка словно не заметила этого.

– Ах вот как? – Она подняла ключ повыше и с презрением швырнула его Нестору под ноги. – Скоро ты избавишься от меня. Ты же этого хотел, да? – Она потрясенно покачала головой. – Мама говорила правду. Этого хотел ты.

– Так будет лучше для тебя.

Аура рассмеялась, стараясь скрыть отчаяние.

– О да, лучше. Конечно.

Она повернулась на каблуках и стремительно направилась к выходу.

– Аура! – крикнул Нестор ей вслед, но она не обернулась.

Хлопнула дверь.

Еще мгновение старик не двигался с места. Казалось, он испепеляет дочь взглядом даже сквозь стену. Затем поднял ключ и задумчиво повертел между пальцами.

– Прошу прощения, – тихо сказал он, не глядя на Кристофера. – Гнев Ауры можно понять. Сегодня она многое потеряла.

Глава 3

К вечеру разыгралась буря, подул шквалистый ветер. Орланы спрятались под стеклянным куполом маяка, и только несколько чаек – не то играя, не то в испуге – с криками носилось над волнами. С севера приближались грозовые тучи.

Джиллиан проворно карабкался вверх по северной стене замка. Из-за близости к воде железные ступеньки покрылись соляной коркой и стали скользкими, но Джиллиан взбирался легко. Не зря же он столько раз спускался и поднимался по лестницам в венской канализации. Кроме того, весил он немного, был гибким, а недостаток мышечной силы компенсировал сноровкой.

Когда Джиллиан добрался до стеклянной крыши, на севере раздались первые раскаты грома. Серая завеса дождя приближалась к острову, струи с шипением хлестали по морским волнам. Джиллиан окинул крышу внимательным взглядом, перелез через балюстраду и открыл стеклянную дверь в оранжерею.

Уже мгновение спустя он крался среди густой растительности, прислушивался, присматривался. Как вдруг слева послышался шорох. Пробравшись сквозь заросли, Джиллиан обнаружил в глубине тропического сада небольшую площадку размером четыре на четыре метра. Все пространство занимали грядки, распаханнные совершенно ровными бороздами и усаженные необычными травами. Только на краю виднелась пустующая борозда. Около нее спиной к Джиллиану сидел на корточках человек и копал совком ямки величиной с кулак.

Сощурившись, гермафродит попытался разглядеть еще что-нибудь в тусклом свете оранжереи. Кем бы ни был этот человек, это, во всяком случае, не Нестор. Волосы у него не седые, да и сам он совсем нестарый.

Решив, что видел достаточно, Джиллиан бесшумно спрятался в зарослях. Молодой человек продолжал работать на грядке, беззаботно копая ямку за ямкой.

Через некоторое время Джиллиан добрался до другой стороны сада. Сквозь листья размером с подошву он разглядел лабораторию, но старого Инститоториса не увидел. Огонь под котлом горел еле-еле, над углем извивались лишь крохотные зеленоватые языки пламени. Узкая деревянная дверь в дальней части лаборатории была приоткрыта.

Осторожно, стараясь не шуметь, Джиллиан приблизился к лаборатории. Обойдя котел, остановился у двери. И опять прислушался.

Сперва было тихо. Затем Джиллиан услышал шелест бумаги. Кто-то время от времени переворачивал страницы книги.

Джиллиан сделал глубокий вдох. И снова подумал о том, как не хочется ему выполнять задание. Но послушаться Лисандра невозможно. А значит, лучше поскорее с этим покончить.

Тихо размяв руки, он еще раз внимательно осмотрелся. И открыл дверь.

Кристофер сидел, упираясь коленями в землю, и нетерпеливо оглядывал плоды своих трудов: множество аккуратных лунок, одна за одной. По лбу градом катился пот или, может, капельки воды: в оранжерее ведь очень влажно. Еще немного – и Кристофер рухнет без сил. А Нестор даже не сказал, что он задумал посеять в этой части огорода.

В приюте тоже держали небольшой огород, и воспитанники по очереди помогали за ним ухаживать. Кристофер сажал, сеял и собирал все, что можно тушить, варить и жарить – от петрушки до моркови. Но ему никогда не доводилось видеть таких трав, как в саду у Нестора.

Выкопав последнюю лунку, юноша с тяжелым вздохом поднялся и распрямил ноги. Он так долго сидел на корточках, что суставы затекли и первые шаги через заросли получились скованными и неуклюжими.

Кристофер снова и снова вспоминал события этого утра. Через несколько часов после того, как Аура в сердцах хлопнула дверью, он наконец набрался смелости и спросил Нестора о том, какое несчастье произошло с Даниэлем. Старик сперва не хотел ничего говорить, но потом все же рассказал.

А произошло вот что. Полгода назад берейтор из деревни давал Даниэлю и Ауре уроки верховой езды. Как-то раз они отправились на прогулку по дюнам. Лошадь испугалась, сбросила Даниэля и ударила копытом. Повреждения оказались настолько серьезными, что врач, которого пригласила Шарлотта, три месяца днем и ночью не отходил от Даниэля. Врачу удалось вылечить все, кроме одного: Даниэль никогда не сможет стать отцом. Все это время Аура провела у постели больного, однако тот от нее все больше и больше отдалялся. Он помешался на том, что недостойн ее, и даже отказывался говорить с ней о своих страданиях. А два месяца спустя слуги обнаружили его в ванне со вскрытыми венами. И снова пришлось звать врача, и снова он спас Даниэлю жизнь.

— Кто знает, сколько она продлится, — холодно закончил Нестор свой рассказ.

Узнав все это, Кристофер начал догадываться, почему Даниэль так к нему относится. Неужели видит в Кристофере конкурента, желающего завоевать расположение Ауры? Но для этого нет ни малейшего повода: во-первых, Аура его ненавидит и ясно дала это понять. Во-вторых, Даниэль ведь сам отстранился от сестры. Впрочем, теперь ясно, отчего он такой вспыльчивый и раздражительный. Однако Кристофер, придя к этим выводам, относиться к брату теплее не стал, лишь посочувствовал. Совсем чуть-чуть.

Подойдя к лаборатории, Кристофер обнаружил, что дверь в библиотеку открыта. В ту же секунду у него перехватило дыхание. К горлу подступил кашель, а легкие будто сдавило. Навстречу ему сквозь духоту сада устремился запах старых книг. Задышавшись, юноша бросился к двери, чтобы ее закрыть. Но только взялся за ручку, как увидел в библиотеке такое, отчего даже забыл об удушье.

Нестор лежал на полу. Над ним склонился незнакомец. Обеими руками он вцепился в горло старика. Тот беспомощно шарил руками вокруг себя и судорожно дергал ногами. Наконец все тело его обмякло.

Убийца был в черных брюках и старомодной черной рубашке с рюшами. Лица Кристофер не видел, зато услышал, как незнакомец прошептал умирающему Нестору:

— Послание от Лисандра. — Голос его звучал необыкновенно мягко. — У сеятеля новое колесо.

Глаза Нестора расширились, он хватался руками за воздух. Кристофер стоял у двери, оцепенев. Запах книжного клея мешал дышать и, в конце концов, его охватил приступ ужасного кашля.

Он не мог ничего поделать.

«Надо... закрыть... дверь», — мелькало у юноши в голове.

За миг до того, как дверь захлопнулась, убийца обернулся. Какое необыкновенное лицо! Симметричное. Гладкое. Совершенное.

Кристофер отпрянул от двери, споткнулся. Едва отдышавшись, бросился наутек. Пробежал через всю оранжерею в поисках оружия, но ничего не нашел, вспомнил только про угольную лопату. Но та лежала как раз у двери в библиотеку.

Мысли бешено металась у него в голове, и пока он думал, стоит ли возвращаться, дверь вдруг с грохотом распахнулась. В низком проеме возник убийца Нестора, остановился на мгновение и пристально посмотрел на Кристофера.

Взгляды их встретились лишь на секунду. Резко развернувшись, убийца исчез в тропических зарослях. Над замком сверкнула молния, и спустя миг стеклянная крыша содрогнулась от мощного удара грома. Стекла задребезжали, но остались целы.

Кристофер остолбенел. Он стоял и неотрывно смотрел туда, где растения были прижаты убегающим убийцей. Бешено билось сердце. Он медленно подошел ближе. Углубился в темную чашу и вышел по другую сторону сада. Дверь на балюстраду открыта. Незнакомец, вероятно, уже давно спустился по стене. Действительно, внизу на волнах качался ялик, сидящий в нем человек изо всех сил работал веслами. Вот бы его убило ударом молнии!

Что-то светлое промелькнуло рядом с Кристофером. Взлетев на парапет, пеликан расправил крылья и камнем бросился вниз, прямо в kloкочущую бездну. А секунду спустя исчез среди мрачных волн.

В панике Кристофер ринулся обратно через заросли, натянул ворот свитера на нос и нырнул в душливый полумрак библиотеки. Бесконечные полки. Книги расставлены рядами, лежат стопками – тысячи и тысячи книг. Два витражных окна, как и всюду в замке, только на витражах надписи, а не картины. Нестор лежит на полу, раскинув в стороны обмякшие руки и ноги.

Ворот свитера мешал дышать. Кристофер, не оглядываясь, быстро схватил старика за руки и вытащил в лабораторию. С грохотом захлопнув дверь, упал на колени и сдернул ворот свитера с лица. Попытался отдышаться. С закрытыми глазами Кристофер ждал – десять секунд, двадцать... Дышал он все еще с трудом, но постепенно приходил в себя.

Склонившись над Нестором, юноша заглянул в его открытые глаза. Грудь старика не вздымалась, он не дышал. Сердце не билось. Рот приоткрыт, язык распух, превратился в огромный темно-красный шар.

Кристофер сел на пол рядом со стариком. Потом лег на спину. Одни и те же мысли лихорадочно носились в голове. Одни и те же вопросы. Кто убил Нестора? И главное: что теперь делать ему, Кристоферу?

Если он расскажет всем о том, что случилось, оранжерею на чердаке тут же уничтожат. Шарлотта позаботится о том, чтобы уже через несколько дней о муже ничто не напоминало. Но убийцы все равно уже и след простыл. Так почему же надо отказываться от всех надежд, которые разжег в нем Нестор? От вечной жизни? От возможности превращать свинец в золото? Все это он потеряет навсегда.

Буря наконец закончилась. А Кристофер все еще сидел, склонившись над трупом Нестора. Впервые в жизни его судьба – в его же руках.

Ранним утром Кристофер протащил труп старика через заросли и тихо похоронил среди грядок с травами.

Прощание далось Ауре тяжелее, чем она ожидала. Она в последний раз прижала к себе Сильветту, такую нежную, такую хрупкую, в последний раз погладила ее по светлым волосам. Сестренка поцеловала Ауру в щеку – так крепко она целовала только мать.

Даже Шарлотта казалась подавленной. Она растерянно стояла на платформе, ветер трепал подол ее платья и полы пальто с капюшоном. Шарлотта отстраненно подала Ауре руку. Но, встретившись взглядом, мать и дочь тут же заключили друг друга в объятия. АURA чувствовала себя неуютно, сцена прощания казалась ей фальшивой, но в то же время ей было больно от предстоящей разлуки. Внутренняя сторона бедер горела: похоже, проколота кожа начала воспаляться.

В последнюю очередь она попрощалась с Даниэлем, и тот впервые за несколько месяцев по-настоящему тепло ее обнял. Она что-то шепнула ему на ухо, он смущенно улыбнулся, но промолчал. Глаза его покраснели – скорее всего, от резкого морского ветра.

Кристофер на вокзал не поехал. Другого Аура и не ожидала. Она сама не дала ему ни малейшего повода сожалеть об ее отъезде.

Отца тоже не было. Это ее огорчило, но не удивило. Он и свой чердак-то почти не покидал, не говоря уж об острове. Ни разу за все эти годы, сколько Аура себя помнила, отец даже близко не подходил к лодке. И вот теперь он отправляет ее в интернат, не попрощавшись. Нашел себе нового любимца. «Ученика», – вспомнила девушка, и ее передернуло.

Грохот подъезжающего к станции поезда напугал лошадей. На миг все вокруг окутал густой черный дым. Пока Аура задержалась с семьей, кучер уже занес в купе багаж – два больших чемодана и сумку.

И вот наступил момент прощания. Аура поднялась по металлическим ступенькам, взглянула на Даниэля и поспешила в купе. Открыв окно, она выглянула наружу. Шарлотта, Сильветта и Даниэль стояли на платформе, прижавшись друг к другу, кучер держался на почтительном расстоянии.

– Мне исполнится одиннадцать через четыре месяца, не забудь! И пиши почаще! – крикнула Сильветта.

Аура пообещала, что не забудет, и одарила сестру самой доброй улыбкой, на какую сейчас была способна.

Она окинула взглядом платформу. Единственный пассажир, ожидавший поезда вместе с ней, должно быть, уже сел.

Поезд медленно тронулся. Даниэль, Шарлотта и Сильветта махали ей вслед, пока их снова не поглотил густой дым паровоза. Станция становилась все меньше – крошечный кирпичный домик посреди необъятной прибрежной равнины. Но вот и он затерялся между дюнами на горизонте.

В купе Аура ехала одна. Она поискала глазами чаек под низким слоем облаков, но не увидела ничего, кроме блеклой пустоты.

«Я совсем одна, – подумала девушка. – И кажется, даже небо грустит».

Джиллиан заглядывал в одно купе за другим. Всюду пусто. Наконец он вновь увидел девушку. В хвосте поезда больше никого не было. Похоже, девушка – его единственная попутчица.

Ее длинные черные волосы растрепались на ветру. Красивая. Печальная и красивая. Ее красота почему-то тронула Джиллиана.

– Можно к вам присоединиться?

Девушка взглянула на него, смутившись на мгновение.

– Да... да, конечно.

Джиллиан бросил сумку в багажную сетку и сел напротив, спиной по ходу поезда. Он украдкой поглядывал на нее, а она тут же снова отвернулась к окну. Джиллиан чувствовал, что его присутствие девушке неприятно, но она отлично владеет собой.

– Я еду в Австрию, – неумело завел разговор Джиллиан.

– Вот как, – ответила она без малейшего интереса, однако повернулась к нему. Он знал наверняка, о чем она думает. «С его лицом что-то не так, он не похож на других мужчин». Каждый, кто видит его впервые, думает о том же.

Девушка снова быстро отвела взгляд. «Да, она умеет держать себя в руках», – опять подумал он.

– А вы? – спросил он и поспешно добавил: – Извините, если я кажусь невежливым. Только скажите, что я вам мешаю, и я замолчу.

На лице девушки показалась тусклая улыбка, слегка оживившая ее черты.

– В Швейцарию, в Цюрих. Нет, вы мне не мешаете. Да и мне стоит немного отвлечься. Вы навещали родственников тут, на севере?

– Можно и так сказать.

– А кого, позвольте спросить? Я знаю всех в деревне.

Неужели она почувствовала неуверенность в его голосе? Джиллиан назвал первого, кто пришел в голову:

– Хозяина гостиницы. Он мой дальний родственник. Я был проездом в этих краях, и мать попросила меня к нему заглянуть. – Решив, что все это как-то неубедительно, он добавил: – Гостеприимный человек. И дом очень чистый.

– О да. – Аура кивнула, но было видно, что мыслями она сейчас где-то далеко-далеко. – Он весьма любезен. Иногда привозит нам на остров пироги – их печет его жена. Моя сестра всегда так радуется, когда видит его на причале.

– Вы живете на острове?

Девушка откинулась на спинку сиденья и смахнула черную прядь со лба.

– Жила. Но это в прошлом.

– Уезжаете?

– Да, в интернат, – ответила она, и на лице ее появилась призрачная улыбка. – Неплохо, правда?

Джиллиан тоже посмотрел в окно. Поезд пробирался по пустынным лугам, тускло освещенным осенним солнцем. Трава колыхалась, как волны на море. То и дело мелькали ручьи и заболоченные овраги.

Джиллиану вдруг стало жаль девушку, и причиной тому был не только ее печальный вид и грустные голубые глаза с длинными трепещущими ресницами. Джиллиан почувствовал, как много у них общего: девушке, как и ему самому, приходится действовать не по своей воле. Дурацкое чувство, конечно, но Джиллиан не мог думать ни о чем другом.

«Возможно, она уже носит под сердцем плод отца, – писал Лисандр. – Убей ее».

Мысли о незнакомце сбивали Ауру с толку. Она не могла понять, что именно с ним не так, сколько ни ломала голову. Сейчас ей не хотелось ни о чем думать, но присутствие Джиллиана не давало покоя.

Черты его лица безупречны, но какие-то странные, словно размытые. Как будто один портрет написан поверх другого. Незнамец казался Ауре обаятельным, даже притягательным, но она никак не могла понять, что именно ее в нем привлекает. Может быть, голос – такой спокойный и чистый? Он произнес всего несколько дежурных фраз, совершенно ничего не значащих. Видимо, он австриец, хотя и в этом девушка сомневалась: ведь у него не было ни малейшего намека на акцент.

Джиллиан осторожно поймал ее взгляд, словно боялся оскорбить.

– Для благородных девиц, я полагаю?

Аура не сразу сообразила, о чем речь.

– Что, простите?

– Интернат. Это ведь школа для благородных девиц?

– Наверное. – Конечно, так и есть, и она это знала, но не хотела сознаваться. Не хватало еще, чтобы ее приняли за избалованную девчонку! – Я знаю совсем немного, все это организовали мои родители. У меня есть только адрес. Это где-то в горах недалеко от Цюриха. – И она, порывшись в кармане платья, достала записку. – Женский монастырь Святого Иакова. Звучит заманчиво, правда?

Он улыбнулся в ответ.

– Как странно: монастырь женский, а назван в честь мужчины-святого.

– Неужели вы в этом разбираетесь?

– В церковь я не хожу, если вы об этом.

– Мой отец невысокого мнения о церкви, – заметила Аура, и тут же сама себе удивилась: зачем она вообще об этом рассказывает? – С ним даже моя мать разучилась верить.

Она чуть было не поведала ему обо всех своих разочарованиях и обидах, но в последний миг остановилась. Мелькнула мысль: «Что это со мной?»

Зрачки у соседа по купе были необыкновенно большие. Аура заметила, что он не знает, куда девать руки. Сама девушка по привычке сжала кулаки: так незнакомец не увидит, что она грызет ногти.

– Вы сказали, что были тут только проездом. – Она неумело попыталась сменить тему. – А откуда вы?

Он чуть помедлил, а потом ответил что-то неопределенное про поездку делового характера. Аура слушала вполуха. Гораздо больше ей нравилось наблюдать за тем, как он говорит: за изогнутой линией рта и красивыми губами, за движением ресниц. Его черты очаровывали.

Как-то невзначай он вдруг заговорил о том, что не знал своих родителей. Аура про себя отметила, что эта местность, видно, каким-то чудесным образом притягивает сирот. Может, и Шарлотта, которая находит счастье в приемных детях, оказалась здесь не случайно.

Они поболтали больше часа, и Аура вдруг сообразила, что даже не представилась попутчику. Она впервые ехала одна так далеко и знала, что следует остерегаться случайных знакомых. «Впрочем, какая разница», – подумала она и назвала свое имя. А потом спросила:

– Может быть, и вы откроете тайну: как вас зовут?

– Джиллиан, – ответил он. Казалось, Аура застала его врасплох.

– Это фамилия?

– Имя.

– О, прошу прощения, я думала, оно женское.

– В английском, – улыбнулся он дружелюбно. – Джиллиан – производное от Джилдзиан, а Джилдзиан, в свою очередь, – вы не поверите – краткая форма имени Эгидий.

Аура усмехнулась:

– Эгидий? Так вас называли приемные родители?

– Нет, просто Джиллиан. Кому-то из них, вероятно, нравилось, что имя звучит по-женски. – Немного помолчав, он продолжил: – У вас очень красивое имя, Аура. Должен сказать, у ваших родителей хороший вкус!

– В любом человеке есть что-то хорошее, не так ли? – Девушка попыталась произнести это с горечью в голосе, но в его присутствии это не удалось. С каждой минутой ее настроение улучшалось.

Аура снова посмотрела Джиллиану в глаза, но тот отвел взгляд. Казалось, он вдруг забеспокоился.

– Вам нехорошо?

– Нет-нет, – поспешно ответил он. – Просто вспомнил кое о чем. О деле, которое еще предстоит довести до конца.

– Вы так и не рассказали, чем занимаетесь.

Джиллиан взглянул на нее почти умоляюще.

– Вам нетрудно открыть окно? – Голос его прозвучал немного хрипло.

– Конечно, нет.

Аура встала и потянула форточку вниз. Пришлось повернуться к попутчику спиной.

Джиллиан, беззвучно поднявшись, тенью встал позади нее и поднял руки. В последний миг девушка краем глаза заметила движение. Кончиками пальцев Джиллиан уже почти коснулся ее тонкой шеи, как вдруг она резко обернулась.

Их взгляды встретились. Непонимание. Паника.

Осознав, что Джиллиан намерен сделать, Аура изо всей силы оттолкнулась от окна и бросилась на него.

Джиллиан этого не ожидал и отлетел на сиденье. Правой рукой схватил подол ее платья, но ткань выскользнула.

Аура распахнула дверь купе и стала громко звать на помощь. Вскочив, Джиллиан схватил ее за плечо. Словно фурия, девушка развернулась и ударила его кулаком в лицо. Джиллиан отпрянул.

Не чувствуя под собой ног от страха, Аура с криком выскочила в коридор. Бросилась влево – к началу состава. Она слышала, как Джиллиан мчится за ней.

На бегу девушка заглядывала в каждое купе. Но везде было пусто. В этой местности почти никто не жил, а уж тем более не разъезжал на поездах. Вполне возможно, что во всем поезде – ни души.

Этот человек тянулся к ее шее! Неужели хотел задушить?

Следующий вагон, как и большинство на этой железнодорожной ветке, оказался сидячим. И опять-таки безлюдным. Все скамейки пусты.

Аура помчалась дальше. Пол под ногами дрожал, несколько раз она чуть не упала. Джиллиан не отставал – все ближе и ближе, вот уже всего в нескольких шагах. Он звал ее по имени, раз, другой, но она и не думала останавливаться.

«Проклятье! Должны же быть в этом дурацком поезде хоть какие-то люди, которые мне помогут?»

Еще один купейный вагон. И снова ни одного пассажира. Почти все двери открыты.

Аура поняла, что преследователь настиг ее, еще до того, как он коснулся ее плеча. Она вскрикнула. На этот раз отбиться одним ударом не получится. Аура проклинала свою привычку грызть ногти: глаза ему не выпарапашь!

Он развернул ее лицом к себе, дернув за плечо, хотя мог бы схватить за волосы. Как будто не хотел причинять ей боль. Но удивляться некогда. Сердце Ауры бешено колотилось, она задыхалась.

Девушка подалась вперед и бросилась на Джиллиана, пытаясь укусить за руку. Но тот ловко увернулся и уже размахнулся было для пощечины, но передумал.

Аура вновь заглянула ему в глаза и обмерла. Жажда крови – вот что увидела она в его взгляде. Не похоть, не желание. Джиллиан намерен ее убить!

Он толкнул девушку в открытую дверь купе. Вскрикнув, Аура упала на сиденье, едва успев выставить руки вперед. Лбом она ударилась о спинку. Мягкое сиденье спружинило. Она тут же повернулась, собираясь ударить, оцарапать – словом, защищаться до конца.

Но Джиллиана рядом не оказалось. Он стоял в коридоре, обеими руками упираясь в дверной проем, и пристально смотрел на нее. В нем что-то изменилось: его ледяной взгляд потеплел.

– Прекратите кричать, – тихо потребовал Джиллиан. Дышал он ровно, словно никакой погони и не было.

Аура презрительно фыркнула и набросилась на него, вытянув вперед руки. Ногтями целилась в лицо, но он легко увернулся и оттолкнул ее. Не успев опомниться, девушка опять очутилась на сиденье.

– Что вам нужно? – задыхаясь, спросила она. – Зачем вы это делаете?

Черты лица Джиллиана вдруг стали жестче. Удивительно, что еще несколько минут назад этот человек казался таким мягким, внушал доверие.

– Прощайте! – бросил он, резко захлопнув дверь купе.

Аура вскочила.

– Что вы делаете, какого черта?!

Джиллиан в коридоре, держа дверь, одновременно вытаскивал ремень из брюк.

Девушка дернула дверь. Та чуточку поддалась. Джиллиан привязал один конец ремня к дверной ручке, а другой – к оконной задвижке на противоположной стороне узкого коридора.

– Выпустите меня! – прохрипела Аура через щель.

Они снова встретились взглядами. Ауре показалось, что Джиллиан может прочесть ее мысли, заглянуть в самое сердце.

Вдруг он бросился назад, в конец поезда, а она, будто очнувшись ото сна, опять стала дергать дверь и что есть силы звать на помощь.

«Этого не может быть! – кричал внутренний голос Джиллиана. – Такого просто не могло произойти!»

Однако произошло. Он не смог. Впервые не смог довести дело до конца. А самое ужасное – он отнюдь не чувствовал, что совершил промах. Напротив, другой голос твердил: «Ты поступил правильно». Именно так, как следовало.

Как безумный он пронесся по вагонам, пока не нашел купе, где они сидели вместе с Аурой. Взгляд Джиллиана упал на скамейку. Всего несколько минут назад здесь царило такое спокойствие! Между ними возникла странная близость: какое-то непривычное, новое для него чувство.

Но как же задание? Да бог с ним!

И все же только что он уничтожил нечто необычайно ценное. Не жизнь, как прежде, – скорее чувство, неведомое и теплое.

Джиллиан был потрясен. Он испугался. Прежде всего – самого себя, той части своей натуры, которую все никак не мог понять до конца. Надо успокоиться и разобраться, что произошло. Осмыслить, что он сделал, точнее, чего не сделал.

Впрочем, тут как раз все просто: он не убил Ауру Инститорис. Не выполнил приказ Лисандра.

«Ты еще можешь вернуться, – подначивал внутренний голос, – Вернись и покончи с ней. Подумай, чем ты рискуешь. Вспомни о Лисандре!»

Джиллиан вытащил сумку из багажной сетки, открыл и принялся шарить внутри. Наткнулся на оружие, которым так и не пришлось воспользоваться. Письмо Лисандра зашелестело, когда Джиллиан вытаскивал его из сумки.

Да, это еще не конец. Джиллиан зашел слишком далеко, чтобы теперь идти на попятную. Это дело он завершит по-своему. Как полагается.

Сложив мелко исписанный листок, Джиллиан сунул его в дорожную сумку Ауры. Подкинул указания Лисандра в багаж несостоявшейся жертвы.

Джиллиан не знал, правильно ли поступает. Он не мог бы найти разумного объяснения своим действиям. Просто решил, что так нужно. Впервые за долгое время Джиллиан слушался своего сердца и делал то, что считал необходимым.

Аура должна узнать всю правду. Это – его попытка возместить ущерб. Отчаянная попытка.

Наконец он схватил сумку, еще раз прислушался к отдаленным крикам Ауры и побежал к ближайшей вагонной двери. Поезд по-прежнему шел на большой скорости, но слева и справа от железнодорожной насыпи тянулись пруды и болота. Надо только выбрать подходящий момент.

Распахнув дверь, Джиллиан крепче прижал к себе сумку. Нет времени на раздумья. Он осмотрелся: поезд шел быстро, пейзажи стремительно сменяли друг друга. Выждав немного, Джиллиан прыгнул.

Проводник обыскал весь поезд, от первого до последнего вагона, хотя, как поняла Аура по его поведению, не поверил ни единому ее слову. Где же багаж этого зловещего преступника? И почему она, столь юная девушка, позволила совершенно незнакомому человеку подсесть к ней в купе, если поезд идет пустой?

– На что вы намекаете? – прикрикнула на него Аура.

А еще напредила о ремне, который ему пришлось своими руками разрезать, чтобы ее освободить. И о распахнутой двери вагона. Но проводника ничто не убедило. Не то чтобы он открыто выказал недоверие или обвинил ее во лжи, просто про себя считал, что богатенькая юная особа всего лишь хочет привлечь к себе внимание. Он порекомендовал ей обратиться в полицию на ближайшей крупной станции. Аура со свойственным ей цинизмом подумала, что если за пределами острова сплошь и рядом попадаются такие вот типы, то лучше уж ей поселиться в интернате пожизненно.

Бурча, проводник перенес багаж Ауры в первый вагон, в соседнее со служебным купе. Она знала: Джиллиан покинул поезд, но все же некоторые опасения у нее остались. Не разыграл ли он свой побег, чтобы напасть на нее позже? Но почему он не убил ее тогда, ведь был такой удобный случай? Несомненно, этот Джиллиан – не какой-нибудь заурядный преступник.

До следующей пересадки Аура так и не заснула и всю дорогу вспоминала темные глаза и прекрасное, таинственное лицо убийцы.

Глава 4

Первые лучи солнца показались из-за Альп, и над горами возник сияющий ореол. На вершинах лежал снег, и даже в долине было холодно. Аура оделась потеплее еще до прибытия в Цюрих: натянула поверх платья свитер, набросила шаль, застегнула пальто на все пуговицы. Девушка ругала себя, что неосмотрительно сунула перчатки в какой-то из чемоданов: в экипаже, на ходу, чемодан не откроешь и не поищешь.

Стоило Ауре назвать адрес, как лицо извозчика вытянулось, ему даже пришлось посоветоваться с другим извозчиком у вокзала, чтобы выяснить, как проехать к монастырю Святого Иакова. В конце концов он заломил баснословную цену, и уплатить пришлось вперед. Впрочем, у девушки не было другого выхода, да и деньги для нее не имели значения. Вот уж чего-чего, а денег у них в семье достаточно, хотя ни у Нестора, ни у Шарлотты нет источника доходов. Все богатство Инститорисов заключалось в огромном наследстве матери Шарлотты и в деньгах, которые Нестор сумел скопить в молодости.

Дорога серпантинном уходила вверх. За очередным крутым поворотом экипаж нырнул в сумрак леса. Город остался далеко позади, по ту сторону горы, дорога постепенно становилась все хуже. Каменная мостовая внезапно закончилась, и экипаж стало сильно трясти. То и дело Аура слышала свист кнута и злобное бормотание извозчика. Кажется, извозчик беспокоился о колесах, и девушка опасалась, что он откажется везти ее дальше в горы.

Она ожидала, что от Цюриха до интерната час, самое большее, два часа езды. Но оказалось, что поездка может продлиться с раннего утра до обеда. Солнце поднималось все выше, освещая густые хвойные леса по обе стороны дороги. Через стремительный горный ручей, который звенел и пенился внизу, в долине, был перекинут шаткий мостик. Иногда лес вдруг обрывался и начинался луг, где неподвижно паслись, словно застывшие, коровы. Затем проехали мимо статуи какого-то святого на обочине. Она так плотно поросла мхом, что и не разберешь: мужчина это или женщина. Возле статуи, стоя на коленях с закрытыми глазами, молилась крестьянка.

Ауре понравились эти места. Она никогда не бывала в горах, видела лишь плоское и однообразное побережье, и величие гор поразило ее до глубины души. У подножия высоких скал росли деревья: каштаны и грецкие орехи. Густые и мрачные пихтовые и еловые леса сменялись светлыми березовыми рощами. Дорога становилась все более извилистой и каменистой. Наконец около полудня извозчик пустил лошадей легкой рысцей и крикнул:

– Мы на месте, барышня!

При виде монастыря Святого Иакова Аура разволновалась. Эта школа – интернат для благородных девиц – скорее напоминала крепость.

Здание стояло посреди большого парка, показавшегося ей на первый взгляд романтическим, как первозданный лес, а при ближайшем рассмотрении – просто запущенным. Живые изгороди и кустарники давно не стрижены, трава на газонах выше, чем следует. Там и сям виднелись заросли пушистых елей. Земля неровная, кое-где торчат камни. Дорога от ворот к зданию интерната вымощена бревнами. Под колесами кареты бревна издавали ужасающий треск.

Здание интерната в плане представляло восьмигранник. Стены высокие, из грубого, плохо отесанного камня. Зубчатые фронтоны, пологие крыши. Окон совсем мало, да и те узкие, как бойницы, видимо, прорублены в стенах уже после строительства. Еще Аура обнаружила полдюжины пристроек. Перед главным входом – белые колонны. Она совсем не разбиралась в архитектуре, но все-таки догадалась, что во всем этом сооружении дико перемешаны разные стили. Подойдя ближе, девушка прочла над входом высеченные на камне

старой крепостной стены слова: «Non nobis, Domine, non nobis sed nomine tuo da gloriam». Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу.

К Ауре неспешно и с достоинством подошла седовласая дама с высоко подобранными волосами. Представилась: фрейлейн Браун, классная дама. Лицо у нее было серым и морщинистым, а доброта в голосе показалась Ауре фальшивой. Впрочем, она именно так и представляла себе школьных наставниц.

Как только Аура зашла в вестибюль интерната, у нее зарябило в глазах: пол был выложен красно-коричневым мрамором в шахматном порядке. На стенах висели многочисленные хрустальные светильники, по углам стояли изящные резные диваны, но садиться на них запрещалось: вокруг них были протянуты канаты. Аура почувствовала себя как в музее.

На противоположной стороне зала начиналась лестница шириной во всю стену, она вела в подвальный этаж. Над нею сквозь высокие окна был виден восьмиугольный внутренний двор.

Вдруг снизу послышался резкий стук каблуков. Над верхней ступенькой сначала появилась голова, затем высокая сухопарая фигура.

– Госпожа директор, – шепнула фрейлейн Браун. – Мадам де Дион.

Аура собралась было шагнуть ей навстречу, но классная дама ее остановила:

– Подождите, пока она сама к вам не обратится.

Директриса была в белом и без единого украшения. Видимо, ее, как и фрейлейн Браун, такие пустяки не интересовали. На ее длинных пальцах Аура не увидела ни одного кольца. Лицо мадам де Дион было вытянутым и угловатым. Когда она улыбнулась, в ряду белых ровных зубов сверкнул один серебряный. Несколько секунд Аура не могла отвести взгляд от серебряного зуба. Затем ее внимание привлекли брови директрисы. Изогнутые, словно нарисованные, они подчеркивали ее и без того строгий вид.

– Аура Инститорис, – произнесла директриса глубоким, по-мужски низким голосом. – Мы давно вас ожидаем. – Может, это и был упрек, но углубляться директриса не стала. – Меня зовут мадам де Дион, я много лет руковожу этим учреждением.

«Господи, она серьезно: „учреждение“, не „школа“»? – Аура почувствовала комок в горле. Однако подала директрисе руку. Та сильно, почти до боли, пожала ее. Аура спрашивала себя, не пытается ли мадам де Дион запугать новую ученицу. Если так, то в какой-то мере ей это удалось.

Аура хотела что-то сказать, но директриса, глядя как будто сквозь девушку, уже кивала кому-то за ее спиной:

– Принесите ее багаж в мой кабинет. Позже я его осматрю.

Аура не поверила своим ушам. И глазам не поверила, когда увидела, как пожилой мужчина, очевидно, помощник мадам де Дион, взял оба чемодана и пронес мимо нее. Дорожная сумка болталась у него на правой руке.

Стараясь говорить спокойно и любезно, Аура обратилась к директрисе:

– Разве багаж отнесут не ко мне в комнату?

Фрейлейн Браун взглянула на нее с осуждением.

– Так принято. Мадам де Дион проверяет, нет ли среди вещей учениц запрещенных предметов.

– Запрещенных... предметов? – Ауру вдруг захлестнула обжигающая ярость.

– Прежде всего речь идет о печатных изданиях. О литературе определенного рода, столь популярной сейчас у юных особ. Не допускаются также фотографии знакомых мужчин. – Фрейлейн Браун неопределенно повела рукой, а директриса молча смотрела на Ауру.

Аура вздохнула.

– У меня ничего такого нет, – тихо произнесла она.

– Посмотрим, – ответила учительница.

– Нет. – Холодная улыбка застыла на лице Ауры. – Вы не понимаете. Никто не будет обыскивать мой багаж!

С этими словами она прошла мимо директрисы и, подойдя к пожилому слуге, придержала его за плечо.

– Прошу прощения, – решительно обратилась к нему Аура. – Отнесите, пожалуйста, вещи прямо в мою комнату.

Резкий вздох за спиной заставил Ауру обернуться. Она вздрогнула: директриса подкралась к ней совсем беззвучно.

– Ступайте, – прошипела мадам де Дион слуге. – Немедленно отнесите вещи в мой кабинет.

Аура не обратила на нее внимания. Невзирая на присутствие грозной директрисы, она попыталась вырвать дорожную сумку из рук слуги. Старик остановился как вкопанный и умоляюще взглянул на Ауру. Но поздно. Рывок оказался слишком сильным, замок на сумке разошелся, и все содержимое высыпалось на верхние ступеньки.

В вестибюле повисло молчание, и оно казалось страшнее самого пронзительного крика. Никто не проронил ни звука, даже фрейлейн Браун. Опустившись на корточки, Аура стала подбирать вещи. Оробевший старый слуга поставил чемоданы и протянул ей пустую сумку.

Аура сидела на верхней ступеньке, нарочно повернувшись спиной к старшим. Она избегала взгляда директрисы. Все ее вещи валялись вперемешку: книги, умывальные принадлежности, щетки, зеркало... И вдруг Аура заметила сложенный лист бумаги. Она точно знала, что ничего такого в свой багаж не укладывала. Письмо от Даниэля? Девушка проворно спрятала листки в карман пальто, надеясь, что никто их не заметил.

В тот же миг кто-то схватил ее за волосы и дернул рывком. Вскрикнув от боли и негодования, Аура выронила из рук все вещи. Да еще и, не удержав равновесия, рухнула прямо под ноги мадам де Дион.

Директриса глядела на Ауру сверху вниз, не выпуская ее длинные локоны. На секунду показалось, что она вот-вот еще раз изо всех сил дернет девушку за волосы. Но директриса разжала кулак и кивнула слуге, чтобы тот наконец отнес чемоданы в ее кабинет. Затем подала Ауре руку.

– Вставайте, – процедила она сквозь зубы. – Воспитаннице моего интерната не подобает ползать по полу у всех на виду.

Аура готова была вцепиться ей в глотку. Кожа головы горела, она не помнила себя от боли. Наконец девушка поднялась с пола, надеясь, что это не выглядело слишком неуклюже. Аура открыла было рот, намереваясь высказать, как она возмущена подобным унижением.

Но мадам де Дион вновь ее опередила.

– Фрейлейн Браун покажет вам комнату, – холодно сообщила она. – Об этом инциденте нам лучше забыть. Вещи вам принесут во второй половине дня.

Обогнав старого слугу, директриса зашагала по лестнице. На нижних ступеньках она обернулась и приложила костлявую руку к груди, растопырив пальцы.

– Если я еще хоть раз замечу у вас обкусанные ногти, придется намазать их тем, что вы точно не захотите взять в рот. – И она спустилась в подвальный этаж.

Фрейлейн Браун подошла к Ауре.

– Молчите. Так нужно.

По пути в комнату Ауры обе не проронили ни слова.

Соседку по комнате звали Козима. Она узнала о том, что произошло в вестибюле, еще до того, как Аура вошла. Слухи о дерзости новенькой разнеслись по коридорам со скоростью

лесного пожара. Передача новостей в интернате была налажена превосходно – именно она по-настоящему спланивала девушек.

Спустя несколько минут Аура уже стояла возле узкого окна и разглядывала горы. Кругом – ни одного здания, только горные вершины, темные леса и луга. Монастырь Святого Иакова все больше напоминал ей тюрьму; даже великолепные пейзажи не могли скрасить это впечатление.

Как только фрейлейн Браун оставила девушек наедине, Козима попыталась разговаривать Ауру. Соседка была на год младше ее. Большие зеленые глаза на маленьком и нежном, но озорном личике казались просто огромными. На фоне белого платья ее каштановые волосы до плеч походили на темный капюшон. Козима приехала из Северной Италии, но по-немецки говорила свободно, хоть и с легким акцентом.

– У тебя есть белая одежда? – обратилась она к Ауре, которая в это время стояла к ней спиной. – Директриса требует, чтобы все ходили в белом.

– А если нет? – Аура обернулась. – Могу я съездить в Цюрих и купить?

Козима села на край кровати.

– Хочешь удрать, да? Сначала все хотят. Поверь, через несколько дней ты и думать о таком забудешь. В нашем интернате – самые строгие правила, поэтому родители и отправили тебя именно сюда.

Вспомнив про кольца на бедрах, Аура решила, что уж у нее-то отвращение к этим старым стенам никогда не исчезнет. Боль всегда будет напоминать ей о клятве.

– Хотя бы в парк можно выходить? – спросила она, опустившись на кровать. Комната была небольшая, до кровати соседки – всего несколько шагов. На каменном полу лежало что-то вроде циновки, печь в углу, потрескивая, согревала воздух. По крайней мере, тут не холодно.

– В парке можно гулять сколько угодно, – ответила Козима. – После уроков, конечно. А если договоришься с учителями, можешь выйти и за территорию. Никто в своем уме не будет пытаться отсюда убежать: до города страшно далеко. Пришлось бы идти пешком больше суток, и это быстрым шагом. Не говоря уж о том, что на дороге полно развилок. Заблудиться проще простого!

Аура внимательно слушала.

– Похоже, ты и сама пробовала сбежать?

– Я – нет. Две старшие девочки – ты с ними еще познакомишься – пытались удрать отсюда год назад. На другой день лесорубы отыскивали их в чаще – они чуть не замерзли насмерть. А других так и не нашли. Просто исчезли. – Козима сидела на одеяле, скрестив ноги. Белое платье она натянула на колени. – А может, это пустая болтовня. Наверное, учителя хотят нас запугать. Думаю, родители забрали тех девочек домой, а нам не говорят.

– Мои меня точно не заберут. – Растянувшись на кровати, Аура тоскливо уставилась в потолок. Представила, как директриса обшаривает ее чемоданы, и тут же почувствовала, что в ней вновь закипает ярость.

– Ты сюда надолго? – спросила Козима.

– Чуть больше, чем на три года, пока мне не исполнится двадцать один.

– А мне еще четыре года осталось, – глубоко вздохнув, пожаловалась Козима. – И провела я тут уже два.

– Почему в твоей комнате оказалась свободная кровать?

– Монсеньор переселил Карлу в другую комнату. Старшая сестра тайком принесла ей несколько книг: «Фанни Хилл», «Кузины полковницы» и тому подобное. В общем, непристойные книжки, – добавила она, пожав плечами.

– Кто такой Монсеньор?

– А, ведь ты не знаешь! – Козима хихикнула, как ребенок. – Так мы называем мадам де Дион. Голос у нее, как у мужчины, правда? – И шепотом добавила: – И груди нет.

– За то, что она вытворяет, ее еще не так стоило прозвать. Как она вообще узнала про книги?

– Карла не делала из этого большой тайны. Наверное, кто-то ее выдал. Так или иначе, нашу комнату вдруг решили обыскать.

– Ты тоже читала эти книги? – с подозрением спросила Аура.

Козима в ужасе замотала головой.

– Я? Ну, Карла зачитывала мне пару предложений. – Она опять хихикнула. – Боже, там... – Вдруг Козима поняла, на что намекала Аура. – Ты ведь не думаешь, что это я им рассказала?! – с вызовом, даже гневно воскликнула она.

– Нет, – успокоила соседку Аура. – Конечно же, нет. – Она вновь задумчиво взглянула наверх. На стене у самого потолка прилип раздавленный комар.

На лице Козимы засияла примирительная улыбка.

– Будем дружить?

– Разумеется. – Поймав ее взгляд, Аура прочитала в нем искреннюю тоску. «Вот что делает с нами интернат, – мелькнуло у нее в голове, – превращает в печальных маленьких девочек, которые ищут хоть чуточку тепла».

Аура встала, обняла Козиму и сказала:

– Будем дружить.

На секунду девушки прильнули друг к другу, затем разомкнули объятия. Взгляд Ауры упал на пальто, брошенное на спинку кровати. Взяв его, она стала шарить по карманам в поисках письма, обнаруженного в дорожной сумке. Наконец отыскала листки и долго держала их в руках, рассматривала, раздумывала, стоит ли читать. Раньше Даниэль часто писал ей письма, но полгода назад перестал.

В итоге она решила, что прочтает письмо, когда никого не будет рядом. Если только тут вообще можно хоть на минутку остаться одной. К тому же Аура слишком устала, мысли путались в голове. Взглянув на Козиму, она увидела, что та улыбается.

– У тебя там остался друг? – спросила девушка, кивнув на сложенные листки.

– Это в прошлом. – Аура сунула письмо под подушку, но тут же вспомнила, что комнату могут обыскать, вытащила письмо и спрятала его в высоком голенище своего ботинка.

– Может, отдохнешь немного? – мягко предложила Козима. – В первый день после обеда Монсеньор освобождает новеньких от занятий.

Аура нерешительно пожала плечами, но потом согласилась, что поспать ей не мешает. Быстро скинув одежду, девушка нырнула под одеяло. Пальцами нащупала кольца на бедрах. Они были холодными, хотя кожа горела.

Козима молча наблюдала за новой соседкой. Улыбнувшись ей, Аура закрыла глаза.

Когда она проснулась, за окном было темно. Козима, зевая, свесила худые ноги с кровати. Заметив, что Аура не спит, девушка засмеялась.

– Ты проспала весь вечер и всю ночь.

– Который час? – Аура потянулась.

– Половина шестого. Обычное время подъема в интернате.

Аура сразу вспомнила о своем положении, об интернате и директрисе.

– Великолепно, – вздохнула она, садясь в постели.

Рядом с кроватью стояли чемоданы. Аура и не заметила, как их принесли.

Чуть позже она отправилась вслед за Козимой в умывальню, где уже было человек десять; все оживленно болтали. Большинство воспитанниц оказались младше Ауры, даже

младше Козимы. Одни украдкой посматривали на новенькую, другие подходили познакомиться. Аура постаралась быть со всеми дружелюбной.

Вернувшись вместе с Козимой в комнату, Аура первым делом решила проверить, на месте ли письмо Даниэля. Не желая снова оскорблять Козиму своим недоверием, терпеливо дождалась, пока та оденется. Порядок в чемоданах не был нарушен, но Аура не сомневалась: директриса все осмотрела. А то, что обыск не оставил никаких следов, еще больше ее беспокоило.

Надев ботинки, она убедилась, что письмо на месте. Аура сдвинула его к правой лодыжке и вместе с Козимой отправилась на занятия. Девушка надеялась, что после обеда наконец-то найдется минутка прочитать письмо.

Воспитанницы интерната Святого Иакова делились на шесть классов, в каждом – не больше двенадцати учениц. Все предметы, за исключением гимнастики, для которой объединяли несколько классов, вели классные дамы. Мужчин в интернате не было, не считая Марека, старого слуги. Готовкой, стиркой и уборкой занимались поварихи и прачки. Отцам разрешалось общаться с дочерьми, но только в отдельных помещениях, не в той части здания, где жили девушки. Братьев же пускали неохотно.

Все это Аура узнала в течение первых нескольких часов. Фрейлейн Браун воспользовалась возможностью произнести в своем классе нудную полуторачасовую речь о жизни в интернате, о поведении, подобающем дамам, и о благопристойных нравах. Козима училась в другом классе, но не потому, что была младше. Аура подозревала, что, скорее всего, мадам де Дион специально делала так, чтобы девушки не находились вместе двадцать четыре часа в сутки. Это подозрение подтвердили одноклассницы Ауры. Их соседки по комнатам тоже учились в других классах.

Занятия кончились в три часа дня, после них, в дополнение к обычной гимнастике, девушкам предписывалась физическая активность. Из-под надзора преподавательниц их отпустили только около пяти. Теперь можно было провести некоторое время в библиотеке, попить какао и прогуляться в парке.

Аура решила прочитать письмо Даниэля на открытом воздухе. Побродив по запущенному саду, она наконец нашла укромное местечко в тени елей.

Развернув листки и увидев, что почерк вовсе не Даниэля, Аура ужасно расстроилась. Пять страниц были с одной стороны исписаны мелкими старомодными буквами. Аура усеялась на влажную траву, не беспокоясь, что испачкает белую юбку, и начала читать. Уже смеркалось, и ей пришлось низко склониться над бумагой, чтобы разобрать написанное. С гордул ледяной ветер, но Аура его почти не замечала. Мурашки бегали у нее по коже вовсе не от холода. Читая фразу за фразой, она все глубже погружалась в бездну ужаса. Письмо предназначалось Джиллиану, незнакомцу из поезда. Но потрясло девушку даже не это. Не раз она готова была изорвать письмо в клочья. Слезы текли у нее по щекам, капали на бумагу, оставляя чернильные кляксы. Но они не могли смыть чудовищные обвинения и откровения.

«Мы с Нестором Инститорисом знакомы уже много лет, – так начиналось письмо. – Даже дольше, чем может охватить моя память.

Мы могли бы стать друзьями, но ты ведь знаешь, как это бывает... Стоит разочароваться в человеке, и дружба превращается в НЕНАВИСТЬ, причем гораздо быстрее, чем это порой случается между просто знакомыми. Мы легче прощаем ошибки незнакомым людям, чем тем, кого ценим. Кто же из нас совершил ошибку: я или Нестор? У каждого из нас свое мнение на этот счет».

За этим вступлением последовало описание жизни замка Инститорисов в таких подробностях, которые мог знать только тот, кто часто там бывал. Аура подумала было про Фридриха, но потом вспомнила, что с отцом они никогда не дружили, и неважно, как давно они знакомы. Оставалось только подозревать, что кто-то из деревенских или, того хуже, из

прислуги следил за обитателями замка и докладывал автору письма. Но даже это пугало Ауру не так сильно, как написанное ниже:

«У Нестора есть дочь. Он с нетерпением ожидает ее совершеннолетия, и я очень хорошо понимаю почему. Сейчас ей семнадцать или восемнадцать лет. Нестор ревностно следит за тем, чтобы она хранила невинность, которая для него – НАИВЫСШАЯ ценность. Его приемный сын, должно быть, пытался заигрывать с ней. И зря. Нестор позаботился о том, чтобы общение с девушками больше не доставляло юноше радости. Несчастный случай, трагедия. И вот с их отношениями ПОКОНЧЕНО. Как по-твоему, разве такой человек, как Нестор, не заслуживает смерти?»

Эти слова поразили Ауру. Все это ложь! Мерзкая, подлая ложь. Отец никогда в жизни бы так не поступил, никогда! С другой стороны, она точно так же не могла себе представить, что отец отправит ее в интернат.

Неужели несчастный случай с Даниэлем подстроил Нестор? Аура едва не вскрикнула от возмущения. Перечитала эти строки несколько раз и продолжила чтение.

Дальше было только хуже.

«Ты спросишь, почему Нестор так заботится о непорочности своей старшей дочери? Мой дорогой, могу представить, как ты, сидя в поезде, ломаешь над этим голову. У тебя уже дрожат руки, в тебе вскипает ярость. Ты хочешь его УБИТЬ, не так ли? Заставить СТРАДАТЬ за все его злодеяния. Разве нет? О, я знаю тебя, Джиллиан. И знаю, о чем ты думаешь. Ведь ты человек высоких моральных качеств, несмотря на свое ремесло. Похоже, твоя двойственная природа сделала тебя слишком добросердечным.

Нестор ищет КАМЕНЬ. Да, нас объединяет именно ПОИСК. Он испробовал множество путей, сотни и сотни направлений. Как и я. И главная его надежда – собственная дочь.

Позволь немного углубиться в теорию. В XVII веке жил некто Михаэль Майер. Он был лейб-медиком при дворе короля Рудольфа II и состоял в ордене розенкрейцеров. Из-под его пера вышли самые значительные работы, посвященные нашему ремеслу. А теперь – внимание! В манускриптах Майера сказано, что обрести философский камень можно, совершив ИНЦЕСТ! Да, Джиллиан, именно к этому он призывает нас, своих последователей.

Вот что он пишет: „Сведи брата и сестру, протяни им чашу любви, дабы они испили из нее“. Вот как, если верить словам Майера, можно получить камень. Еще пример: „Вскрой грудь своей матери стальным клинком, вонзи его ей в утробу и проникни в ее лоно. И ты обретешь безупречную материю“. Брат с сестрой, сын с матерью, отец с дочерью... Да, Джиллиан, таковы указания Майера. Впрочем, не он первый пришел к этим выводам, но первый, кто об этом написал. Можешь сам проверить.

Теперь понимаешь? Нестор хочет зачать ребенка со своей дочерью! РЕБЕНКА, который, как он полагает, поможет обрести философский камень. *Augum potabile. Lapis philosophorum*. Бессмертие, Джиллиан, и абсолютная чистота! Главное – девушка должна быть совершеннолетней и непорочной. Только подумай, Джиллиан, БЕССМЕРТИЕ!»

Несколько минут Аура не могла отвести взгляд от этих слов. Глаза застилали слезы, буквы горели, будто раскаленное клеймо. Начинало темнеть, Ауре следовало поторопиться, чтобы успеть дочитать до конца. Но ей стоило немалого труда продолжить.

«Нестор думает, что я мертв. И это ОН первым пожелал мне смерти. Много лет назад Нестор нанял убийцу. Тот меня недооценил, я ускользнул, но выжил только благодаря чуду. Старый знакомый спас меня. И я все еще ЖИВ. Пожалуй, напрасно мы считаем себя хозяевами своей судьбы, как ты думаешь?

Как видишь, Нестору давно пора умереть. Надеюсь, его смерть будет для тебя приятной. Что касается его дочери, Ауры, – позаботься и о ней. Вдруг Нестору не хватило терпения? Как знать, не отважился ли он на небольшой эксперимент? Что, если она уже носит в

чреве плод своего отца? Убей ее. А затем возвращайся, мой луч солнца во мраке, мой дорогой Джиллиан. Возвращайся и будь СВОБОДЕН».

Так заканчивалось письмо без подписи. Стемнело, перечитать еще раз не выйдет. Но Аура и не смогла бы. Ее тошнило от одного прикосновения к этой бумаге, тошнило от каждого слова и даже от почерка. В ужасе отшвырнув листки прочь, девушка терла руки о мокрую траву, пока на земле не появились глубокие борозды. Она испытывала сильнейшее отвращение, а еще, к своему ужасу, была уверена, что все написанное – правда. Перед глазами проплывали воспоминания: как Нестор пришел в ярость, увидев, что они с Даниэлем держатся за руки. Он тогда перебил целую гору склянок у себя в лаборатории, кричал на Ауру, угрожал выгнать Даниэля с острова. Словом, вел себя как безумец. И он отправил ее в этот интернат, в школу для девушек, куда мужчинам вход закрыт. Причем именно до ее двадцать первого дня рождения, до совершеннолетия! Видимо, боялся, что на острове Ауру не уберечь. Может быть, и Кристофера он взял в ученики лишь для того, чтобы дочь возненавидела сводного брата и история, которая случилась у нее с Даниэлем, не повторилась?

Господи, да она сама себе противна из-за этих мыслей! И все же внутренний голос нашептывал ей, что все это правда. В замке только Аура знала, чем отец занимается в своей лаборатории. Он поведал ей об этом много лет назад, возможно, как раз для того, чтобы впоследствии было легче убедить дочь согласиться на то, что он задумал.

Бессмертие. Философский камень. И цена этому – разделить ложе с собственной дочерью. Отец сошел с ума, без сомнений. Да и таинственный автор письма, похоже, такой же безумец.

А Джиллиан? Почему он оставил Ауру в живых вопреки четкому приказу?

Аура с трудом поднялась. Колени дрожали. Она на ощупь собрала в темноте разбросанные листки. Вечером сожжет письмо в печке. А затем при первой возможности сбежит отсюда. Нужно поскорее вернуться в замок и вызвать отца на разговор. Пусть расскажет обо всем, что сделал и что собирается сделать.

Конечно, если он еще жив...

Западный вокзал в Вене располагался на стыке трех районов: Фюнфхаус, Нойбау и Мариахильф, но притягивал к себе людей со всего города. Отсюда отправлялось множество поездов, и суматоха всегда стояла страшная. Джиллиан вышел из вагона. Огляделся. Так и есть: эти двое уже поджидают.

Штык и Клык, видимо, чтобы хоть как-то отличаться друг от друга, надели длинные пальто разных цветов: на одном было серое, на другом – коричневое. Но что толку? Одинаковые осунувшиеся и угловатые лица, белые как снег волосы – в толпе близнецы выглядели так, будто два мертвеца забрели на великосветский бал.

Джиллиан зашагал им навстречу. Сердце бешено колотилось. До сих пор он не был уверен, что телеграмма, которую он послал из Мюнхена, вообще дойдет до Лисандра. Джиллиан адресовал ее дворцовым слугам в надежде, что те передадут послание тайному обитателю подвалов. Но сейчас его поразило, что сообщение и впрямь дошло до адресата. За последние годы ничего не изменилось: влияние Лисандра безгранично.

– Хозяин недоволен, – пробурчал тот, кого Джиллиан принял за Штыка.

– Наш милый полумальчик-полудевочка не справился, – добавил Клык.

Джиллиан старался сохранять спокойствие. Он прошел мимо, уверенный, что парочка последует за ним.

– Нестора Инститориса больше нет в живых. Как и хотел Лисандр, – ответил он.

Какая-то молодая женщина с ребенком, испуганно оглянувшись, поспешила отойти подальше. Сперва Джиллиан решил, что она услышала его слова, но потом понял: ее напу-

гали близнецы. И почему Лисандр, имея такие богатства, не наймет слуг, которые бы не так бросались в глаза?

Штык вдруг схватил Джиллиана за плечо. Тот обернулся и злобно посмотрел на близнецов. Штык тут же убрал руку и, едва заметно ухмыльнувшись, взглянул на брата.

– Тебе велели позаботиться как о Несторе, так и о его дочери, – сказал Штык.

– Он дал маху, – добавил Клык.

О том, что случилось, Джиллиан сообщил Лисандру в телеграмме. Конечно, умолчав о подробностях.

– Девчонка ускользнула от меня: в поезде было полно народу. Что мне оставалось делать?

Его гнев понемногу сменялся беспокойством. Джиллиан надеялся, что Лисандр останется доволен смертью Нестора, а к Ауре, в крайнем случае, подойдет другого убийцу.

«Как же быть?» – Этот вопрос Джиллиан задавал себе сотню раз. Допустит ли он, чтобы Ауре причинили вред?

– Разве мы здесь затем, чтобы раздавать советы? – обратился Штык к брату. – Нет, мы должны только доставить его к Лисандру.

– Хозяин ждет его, милого полумальчика-полудевочку, – ухмыляясь, подтвердил Клык.

Джиллиан тут же схватил его за воротник.

– Только попробуй еще хоть раз меня так назвать! – угрожающе прошипел он. – Только попробуй! – В эту секунду он готов был убить Клыка, здесь и сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.